

ПОСЛЕДНЯЯ ЖИЗНЬ #1

АЛЕКСЕЙ
ОСАДЧУК

Бастард

Алексей Витальевич Осадчук

Бастард

Серия «Последняя жизнь», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69503083

Аннотация

В прежней жизни Джек был одаренным, обладавшим специфическими навыками. Если у кого-то из богачей возникали проблемы, Джек, благодаря своим талантам, решал их. Там, где другие неминуемо терпели неудачу, он выходил сухим из воды, выполнив чисто и качественно работу, за которую аристократы платили очень щедро.

Прежняя жизнь Джека закончилась гибелью в бою с могущественным врагом. Но, как оказалось, это был вовсе не конец.

По воле таинственной высшей сущности сознание Джека перенеслось в тело молодого аристократа, живущего в одном из магических миров мультивселенной.

Теперь его зовут Макс Ренар. Он незаконнорожденный сын изменника, казненного по приказу короля, потерявший свой дом и вынужденный прозябать в небольшом городке на западе королевства.

Отныне это его новая жизнь. Последняя жизнь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	41
Глава 4	55
Глава 5	69
Глава 6	83
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Алексей Осадчук

Бастард

Последняя жизнь. Книга 1

Автор © Алексей Осадчук 2022

Художник © Валерия Осадчук 2022

Издательство Magic Dome Books, 2022

Эта книга лицензирована только для вашего личного использования. Эта книга не может быть перепродана или передана другим людям. Если вы хотите поделиться этой книгой с другим человеком, приобретите дополнительную копию для каждого получателя.

Спасибо за уважение к работе автора.

Эта книга – произведение фантастики.

Любая связь с реальными людьми или событиями является случайной.

Глава 1

– Господин полковник, заключенный по вашему приказу доставлен!

Слышу бас моего конвоира из-за широкой стальной двери, за которой находится логово начальника местной тюрьмы.

Эта тюрьма не обычный «строгач», нет, – это Яма. Одно из самых проклятых мест на нашей планете. Из Ямы уже никто не возвращается, даже вперед ногами. Трупы заключенных сжигают в крематории прямо на территории тюрьмы.

– Веди, – услышал я короткий приказ из-за приоткрытой двери.

Второй конвоир, карауливший меня в приемной, тоже услышал голос начальника и жестким тычком в спину подтолкнул меня вперед.

– Пшёл!

Гремя цепями и прихрамывая, я побрел на встречу с местным хозяином. Боль во всем теле мешала сосредоточиться. По сути, я уже ходячий труп. Мне осталось недолго и от меня уже явно пахнет мертвечиной. Как в прямом, так и в переносном смысле. Раны от ожогов и порезов начали гноиться. Резкая боль из-за треснувших ребер после каждого вздоха сбивает концентрацию. Но я держусь.

Искра жизни в моем физическом теле теплится лишь бла-

годаря моему энергетическому источнику. Это он снабжает мою энергосистему силой.

Внутри кабинета я успел сделать только три коротких шага. Две лопатоподобные ладони синхронно легли на мои плечи. Справа и слева словно каменные глыбы застыли конвоиры. Гребаные мутанты...

Кандалы на руках и ногах, соединенные между собой стальной паутиной цепей, двухметровые громилы по бокам, на лице специальный намордник – меня зафиксировали будто дикого зверя. Сторожевые псы хозяина Ямы не зря едят свой хлеб.

Я быстро окинул взглядом помещение. Мои глаза с каждым днем видят все хуже и хуже. Спасает истинное зрение. Именно оно дорисовывает исчезающие штрихи этого мира. Широкий стол из красного дерева. В центре кабинета мягкий ковер, ступить на который мне не позволили. Дорогая мебель, кондиционер, здоровенный диван у окна. Из дальнего серванта блеснула бутылка дорогого пойла. Хорошо обустроился хозяин Ямы.

А вот и он сам. Вальяжно развалившись в кожаном кресле, лениво что-то читает. Я заметил знакомый грязно-зеленый уголок папочки. Ясно – мое дело изучает.

На вид полковнику лет пятьдесят. Лысая как колено башка. На широком лице по-бульдожьи висячие щеки. Тело грузное. Узкие плечи.

Его пухлые волосатые пальцы неспешно перелистывали

страницы моего дела. В маленьких близко посаженных глазах я увидел неподдельный интерес. А еще злобу и злорадство. Вон как губы скривил. Еще и облизнулся. Точь-в-точь здоровенная жаба перед тем, как проглотить мелкую мошку.

– Так-так-так, – мерзко пробулькал он, картинно подавшись вперед. – Вы только взгляните, кто к нам пожаловал!

Видя, что я никак не реагирую, он, гаденько улыбаясь, откинулся на спинку кресла. Та лишь жалобно хрустнула.

– Подумать только! – продолжал распинаться он. – Тот самый Плут! Как же как же, наслышан.

Хозяин тюрьмы хохотнул и заговорщицки мне подмигнул:

– Когда мне в руки попало твое дело, я даже не поверил такой удаче. Думал, шутка... Но нет – оказывается, правда. Ты у нас личность, прямо скажем, своеобразная. Вот уж не ожидал, что заглянешь ко мне в гости. Хотя, знаешь, у меня тут кого только не было. Уверен, тебе понравится здешний контингент.

Полковник громко кашлянул, прочистив горло, и открыл первую страницу моего дела:

– Значит, так. Имя и фамилия – Джек Смит. Хех... Оригинально. Возраст – тридцать два года. Сирота. Любопытно, что из этого правда?

Я молчал. Под намордником не было видно моей хищной улыбки. Давай, урод. Удовлетвори свое любопытство. Попробуй поспрашивать меня об этом. Как только о твоей любознательности дойдет слух до тех, кто писал мое досье,

власть в Яме тут же сменится. Гарантия.

Полковник замолчал. Поморщился. Видимо, понял, что сболтнул лишнего. Вон как на моих конвоиров покосился. Они, конечно, дебилы еще те, но должны смекнуть, что попавший к ним «тот самый Плут» – птица непростая. Если сообщить куда надо об излишне любопытном начальнике, можно еще и плюшек заработать.

Что же касается моей биографии. В деле написана чистая правда. Сирота я. Об отце ничего не знаю. Мамаша меня нагуляла, а потом умерла от родовой горячки. Меня новорожденного забрала к себе Вадома, старая цыганка, что принимала роды. Она же и вырастила меня. Собственно, воспитателей было много. В нашем бродячем цирке, с которым старуха колесила по свету, кто только не приложился к моему взрослению.

– Есть сестра... – наконец, продолжил чтение полковник.

– Была... – прохрипел я.

– Что? – удивленно взглянул он на меня. Его глаза опасно сверкнули. Не привык местный царек, чтобы его перебивали.

Я почувствовал, как стальные пальцы конвоиров сдавили мои плечи. Чертовы мутанты. Сколько же в вас силищи!

– Была сестра, – твердо повторил я, при этом сцепив зубы от боли.

На короткое мгновение перед моими глазами возникло лицо Таис. Голубые, цвета моря глазищи. Ямочки на щеках.

Непослушная рыжая челка. Смешные веснушки на маленьком носике. Не уберег я тебя, сестренка. Прости...

– Посмотрим, – быстро перелистывая мое дело, сказал начальник. – Ага, нашел. Таис Смит. Двадцать лет. Смерть от передозировки наркотическими препаратами. Наркоманка, значит...

По моему телу прошла энергетическая волна. Мышцы напряглись, как всегда, перед атакой. Охранники не зря свой хлеб едят – сразу почувствовали угрозу. Несколько коротких тычков – и вот я уже стою на коленях, надежно зафиксированный лапищами этих выродков. Генетические отпрыски. Полуразумные твари!

Полковник, словно не замечая происходящего, продолжал непринужденно перелистывать страницы. И как бы между делом, сообщил:

– Месяц карцера своей выходкой ты уже себе заработал. Продолжим... Итак, чем же наш гость отличился? Нарушение неприкосновенности жилища, истязание, умышленное нанесение вреда здоровью, убийство... В общем, полный набор... И как тебя угораздило попасться после этого? Мне казалось, таких как ты нелегко взять в плен?

Полковник деланно поцокал языком и с издевкой в голосе произнес:

– Что? Нашла коса на камень? Посчитал себя самым сильным и умным? Думал, что у сына лорда телохранители слабаки?

Хозяин Ямы, ухмыляясь, добавил:

– И вот ты здесь. Хе-хе... Чему я несказанно рад. Так что привыкай. Это теперь твой дом. Отсюда, как ты уже наверняка слышал, никто не выходит.

Внезапно настроение начальника изменилось. Исчез насмешливо-дурашливый тон. Если бы голосом можно было отравить, я бы уже давно умер в страшных муках.

– Значит так, тварь! Слушай меня внимательно. Ты здесь никто. У тебя больше нет имени, нет прошлого и нет будущего. Только номер. Отныне твоя жизнь принадлежит только мне. Все! Я с ним закончил. Уберите это дерьмо с моих глаз!

– Куда его, господин полковник? – бесстрастно прогудел «правый» конвоир.

– На Дно, – коротко отрезал начальник и добавил: – Месяц.

* * *

Теперь понятно почему «Яма». Тюрьма находится под землей. Этаким семиуровневый бетонный мешок. И я на самом его дне. В узенькой темной и холодной камере. Спасибо хоть цепи и намордник сняли.

Из-за отсутствия освещения, глазам пришлось долго привыкать к темноте. Я бы мог перейти на ночное зрение, но решил не тратить энергию. Она мне еще понадобится.

Когда глаза более или менее адаптировались, я смог разглядеть свое новое жилище. В левом дальнем углу в полу обнаружилась дыра. Судя по характерному мерзкому душку – это у нас сортир.

Над этой же дырой, на высоте примерно полтора метра я увидел трещину в каменной стене, из которой сочилась вода. Я провел по мокрой стене пальцами и поднес их к носу. Запах нормальный. Значит, от жажды не умру.

Воняющая гнилой древесиной несуразная конструкция в левом углу – это нары. Все на соплях, но и за это спасибо. Я оценил. Не придется спать на каменном полу.

Влажные стены, сладковатый запах плесени, холод – жабopodobный полковник вряд ли рассчитывает увидеть меня живым спустя месяц. Начальник тюрьмы просто сиял от счастья. Еще бы – к нему в Яму попал убийца сына одного из самых влиятельнейших лордов старого света. Наверняка рассчитывает на щедрую награду от главы рода Даремов.

Кстати, все, что он там зачитывал обо мне, чистая правда. Я – хладнокровный убийца. Я проник на территорию семейного гнезда Даремов и вырезал всю охрану. Затем переломал все кости, кастрировал и казнил наследника древнего рода. И не жалею об этом. Появись у меня такая возможность – я бы с радостью повторил это снова.

А вот покинуть дом мне уже не удалось. Прибыли телохранители самого лорда. Причем среагировали они довольно оперативно, да и я слегка задержался, когда убивал его

сыночка. Кроме того, в тот день я впервые сошелся в бою с одаренным. Таким же, как я сам. Победа осталась за мной, но уйти я уже не смог. Слишком серьезно он меня потрепал.

Остается последний вопрос. Почему я еще жив? Хотя для меня ответ уже очевиден. Лорд Дарем хочет, чтобы убийца его сына как следует помучался перед смертью.

В общем, жабоподобный полковник оказался прав во всем, кроме одного – моя Таис не была наркоманкой...

Я тяжело вздохнул. Таис – не моя родная сестра. Она, как и я, была сиротой. Только в отличие от меня ей посчастливилось узнать своих родителей. Правда, судьба распорядилась так, что ее отцу пришлось уйти на войну, где он и сложил свою голову, отстаивая интересы аристократов. А мать, воздушная гимнастка, во время исполнения номера сорвалась с каната и разбилась насмерть.

Сколько себя помню, Таис всегда была рядом со мной. Она всегда была моей маленькой сестренкой. Единственный раз, когда мы расстались надолго, были мои два года службы в легионе лорда Картера. Он тогда затеял небольшую локальную войнушку с соседом за спорные территории.

За время того конфликта мои специфические навыки были оценены по достоинству, и после войны я стал выполнять для лорда Картера, а потом и для других аристократов некие, как они их называли, «поручения». Причем каждое из таких заданий могло закончиться для меня смертью. Именно в те времена с легкой руки покойного лорда Картера ко мне

и прилипло прозвище «Плут». Там, где другие неминуемо терпели неудачу, я выходил сухим из воды, выполнив работу чисто и качественно. За которую аристократы платили очень щедро.

Мои дела быстро пошли в гору. Я без особых проблем оформил опеку над Таис и с тех пор во всех документах она проходила, как моя младшая сестра.

Все произошло, пока я был в «рабочей» командировке. Сестра на вечеринке ее подруги познакомилась с Даремом младшим, который после праздника отвез ее к себе в поместье и всю неделю насиловал. А потом, когда ему это надоело, отдал ее своим охранникам...

Я почувствовал, как по моим холодным щекам потекли горячие слезы. Впервые за все время.

Сестренка не дождалась меня... Решила все сама... Покойся с миром, чистая душа...

Вспомнил, как визжал мелкий подонок перед смертью. Увы, но облегчения это мне не принесло. Ведь Таис уже со мной нет.

Я остался одни на этом свете...

* * *

Я замер на твердой койке в позе эмбриона. Старался держаться подальше от стен. Иначе бетон «высосет» последнее тепло из тела.

Нестерпимо ныл правый бок, но внутренние органы целы. Вертухаи здесь бить умеют, но и я не лыком шит. Довелось побывать в разных передрягах. Плут – «товар» редкий. И что важно – очень крепкий...

– Ничего, еще пободаемся, твари, – прохрипел я в тишину. – Еще посмотрим, кто кого...

Я почувствовал, как постепенно накрывает долгожданный сон. Снилось море. Мы с Таис тогда вырвались к побережью. Я только что вылез из воды и замер в смешной позе, пока Таис меня фоткала.

Утреннее море еще не прогрелось. Пришлось обернуться полотенцем и замереть лежа на солнце. А вот и долгожданное тепло. Уже не дрожу. Сбросил полотенце, подставляя спину солнечным лучам. Несколько минут и начинает припекать. Хорошо!

Спустя несколько минут стало совсем жарко. Пора прятаться в тень. Спустя несколько секунд осознал, что зонт не спасает. Тело покрылось потом. Странно. Оглядевшись, я увидел, что люди продолжают лежать на солнце как ни в чем не бывало. Похоже, это только со мной происходит какая-то чертовщина.

Пульс участился. Сердце пойманной птицей начало колотиться в груди. Что со мной? На мгновение закрыв глаза, я устроился поудобней. Разгоряченной спиной прислоняюсь к чему-то холодному и влажному. Фух! Как хорошо! Спасительный холод обволакивает сперва спину. Потом плечи, а

через секунду спускается к пояснице.

Стоп!

Я резко открыл глаза. Сон как рукой сняло. Я снова в темной камере на дне чертовой Ямы. Нестерпимо жарко... Даже горячо. Кто бы мог подумать, что студёные бетонные стены мне будут помогать? Ведь по всему ясно: полковник рассчитывал на другой исход.

Что, черт возьми, происходит? Пожар в тюрьме? Нет. Исключено. Убогий окружающий меня мир ни на йоту не изменился. Дело во мне. Я весь горю. Тюремная роба промокла от пота. Учащенное сердцебиение. Дрожь по всему телу. словно каждая мышца сокращается в ускоренном режиме. Вот и кости заныли. Боль нестерпимая... Я попытался закричать, но смог выдавить из горла лишь жалкие хрипы. Тело до хруста в суставах начало судорожно извиваться.

Мозг с надрывом лихорадочно анализировал ситуацию. Другой человек на моем месте уже давно бы полностью отдался боли. Но я не обычный человек.

Первый и, похоже правильный вариант, меня отравили. Как? Вода и пища – отпадает. Последний раз я ел и пил в доме у капитана.

Лекарств не принимал. Уколов никто не делал. Остается эта камера...

Последнее, что отмечаю, теряя сознание, сильный запах плесени... Вот оно! Плесень! Смутно знакомый сладковатый запах. Такие симптомы вызывает только один яд. Поцелуй

Болотницы...

Черт бы тебя побрал, старый Дарем! Ты все-таки нашел достойную пытку для меня! Увы, но без противоядия мне не выкарабкаться... Даже если я сейчас воспользуюсь всей накопленной энергией, у меня ничего не выйдет. После Поцелуя Болотницы жертва будет умирать очень долго. Мучительные боли мне обеспечены. Больше я ни о чем не успел подумать – тьма полностью поглотила меня.

Странно я вроде бы потерял сознание и нахожусь во тьме, но в тоже самое время бодрствую. Как такое возможно? Но это не важно. Главное, что боль отступила.

– Ну, привет, – насмешливый мужской голос из темноты заставил меня вздрогнуть. Хотя это мне так показалось. Невозможно вздрогнуть, когда отсутствует тело.

– Кто здесь?

Голос хохотнул.

– Ты нисколько не изменился.

– Мы знакомы? – спросил я во тьму.

– Можно и так сказать, – хмыкнул голос.

– Я умер?

– Почти, – ответил голос. – Держишься из последних сил. И да, сразу отбрось всякую надежду. Ты обязательно умрешь. И это не фигура речи навряде той, что, мол, мы все когда-нибудь умрем. К тебе это не относится. Кстати, умирать ты будешь долго и мучительно.

– Поцелуй Болотницы... – одними губами прошептал я.

Но мой таинственный собеседник меня услышал.

– Узнал? – усмехнулся он. – Молодец. Начальник тюрьмы лично контролировал, чтобы яд как следует нанесли на стены.

– Перед Даремом выслуживается, – зло процедил я.

– У тебя всегда так, – хмыкнул голос. – Вечно начинаешь меряться силами с теми, кто на порядок сильнее и могущественнее тебя. И в итоге, всегда умираешь молодым. В расцвете сил.

Я напрягся.

– Что это значит?

– Перерождение, реинкарнация. Слышал о таком?

– Приходилось. Но думал, что это выдумки. Ты – смерть?

– Ну, – протянул голос. – Если тебе так проще меня воспринимать – пусть будет так. А говорю я с тобой, потому что уже давно наблюдаю за всеми твоими жизнями. Работа у меня такая.

– Понятно, – задумчиво произнес я.

– Ничего тебе не понятно, – усмехнулся голос. – Ты даже близко не находишься от понимания происходящего. И это нормально. Потому что это не твоего ума дело. Твоя забота рождаться и умирать. Моя – наблюдать за тобой и такими же как ты. Но должен сказать – ты мой любимчик. С тобой не соскучишься. Что ни жизнь, то какой-то калейдоскоп событий. Другой все свои жизни просиживает штаны в какой-нибудь скучной конторке. А потом постарев умирает от

инсульта или остановки сердца. С ним даже поговорить не о чем. Но ты другое дело! Жаль, что это твоя предпоследняя жизнь на этом Круге.

– Это как?

– А вот так, – ответил голос. – У всего есть свое начало и свой конец.

– А исключения? – продолжил выпрашивать я. Мне почему-то в этот момент было очень важно узнать, что у меня еще много жизней впереди. Хотя до сего момента, я даже не догадывался о всех этих раскладах. А еще я осознавал, что задаю какие-то глупые вопросы. Словно мне кто-то подсказывает, что и как нужно спрашивать.

– Никогда не слышал, – ответил голос. – Но ты не печалься. У меня для тебя хорошие новости. Надеюсь, они тебе понравятся.

подавив в себе желание задать еще один глупый вопрос, я промолчал.

– Вот! – вдруг провозгласил голос. – Именно поэтому ты мне и нравишься! Даже здесь пытаешься сопротивляться и плыть против течения. Потому я и решил сделать тебе три подарка.

Видимо подслушав мои мысли, голос из тьмы с усмешкой произнес:

– Про бесплатный сыр в мышеловке – это ты правильно подумал, но сейчас другой случай. Я решил наградить тебя, потому что мне не было скучно наблюдать за твоими при-

ключениями. Особенно в предыдущих двух жизнях. Вот там ты накуролесил! Любо-дорого! Зрелище, что надо. Жаль, что ты ничего не помнишь из прошлых жизней. А может, и к счастью...

После этих слов таинственный голос загадочно рассмеялся. А я же тем временем лихорадочно соображал, что, собственно, происходит. Кто это существо и самое главное, что ему от меня надо. Наверняка глюки. А еще у меня, наконец, появился очень важный вопрос... Но у меня неожиданно перехватило дыхание и слова застряли в глотке...

– О! – произнес голос. – Надо поторопиться. Ты начинаешь приходить в себя. Заметил? Появились адекватные вопросы. До этого ты воспринимал все, как должное. Итак. Три подарка. Первый. Я лично подберу тебе новое тело для переселения, а также позабочусь о том, чтобы это был интересный мир для нас обоих. Хе-хе, обещаю, что постараюсь найти приемлемый вариант. С самого рождения не обещаю, а вот уже развитое тело и не слишком старое – найду самое подходящее. Второй подарок. Я сохраню тебе память об этой жизни и что самое главное – твой энергетический источник останется при тебе. Правда, с новым перерождением тебе придется развивать его заново. Потом поймешь всю ценность этого дара. Ну и третий подарок... Его ты получишь прямо сейчас. Постарайся воспользоваться им как следует. Прощай, больше ты со мной не встретишься. И вот еще что... Дам тебе совет напоследок. Постарайся прожить по-

следнюю жизнь интересно и насыщено! Ха-ха! Я буду наблюдать за тобой.

Мне хотелось крикнуть, но ничего не получалось. Мне так и не удалось задать главный вопрос. О Таис...

Сознание возвращалось рывками. То выныривая на короткий миг из небытия, то снова погружаясь во тьму. Каждый миг просветления сочетался с острой болью во всем теле. Но мозг, словно электрический предохранитель, размыкал перегруженную цепь нервных окончаний, храня целостность рассудка.

– Твою же мать! – прохрипел я, окончательно придя в себя.

Я лежал на полу, вытянувшись словно в гробу. Попытался снова взять контроль над телом. Пока получалось плохо. Бетон забрал практически все мое тепло.

Титаническим усилием воли я перевернулся на бок. Боль тут же дала о себе знать. Плотно сжав зубы, я лежал, поскуливая будто побитая дворняга. Я ощущал себя куском мяса сперва отбитого, а затем перемолотого в гигантской мясорубке.

Что это было? С кем я только что так мило беседовал? Неужели от яда такие реальные глюки?

Яд! Точно! Поцелуй Болотницы! Дарем! Проклятый старик! Жаль, что не смогу поквитаться с тобой, тварь!

В следующее мгновение за дверью раздался шум нескольких голосов, а потом нервно лязгнули замки. Когда я увидел,

кто именно стоял на пороге моей камеры, я криво усмехнулся. Так вот значит, какой он третий подарок.

Я зашевелился и приподнялся на локте.

– Живучий, гаденыш! – прошипел жабоподобный начальник тюрьмы. Он хотел было еще что-то сказать, но высокий седой мужчина, стоявший рядом, поднял руку, и полковник заткнулся.

Старика я узнал сразу. Лорд Дарем собственной персоной. Пожаловал лично проконтролировать мучения убийцы сына. Он, в отличие от своих верзил телохранителей и полковника, стоит без респиратора. И не удивительно. Наверняка его тело напичкано всякими антидотами и стимуляторами. Богатые могут многое себе позволить.

Я перевернулся на живот и поджал колени. Глава рода Даремов воспринял это как позу покорности. Вон как глаза победно блеснули. Правда, триумф старика продлился мгновения. На смену ему пришли брезгливость и разочарование. Наверняка я смог за последние месяцы здорово расшевелить его. Видимо, ожидал увидеть в моем лице достойного противника, который будет умирать с улыбкой на устах. Реальность разочаровала. Перед его взором предстало несчастное полуживое морально сломленное существо.

Как раз то, что мне надо.

Не сказав ни слова, лорд Дарем брезгливо скривил губы и уже развернулся, чтобы покинуть это место.

Вот он, этот долгожданный момент! Вся энергия, скрупу-

лезно накопленная мной за это время в источнике, растеклась телу. Мышцы налились силой. Сознание прояснилось. Я был похож на взведенную пружину.

Рывок! Шаг, еще один. Удар правой рукой. Чувствую хруст шейных позвонков ближайшего телохранителя. Удар. Башка второго резко дергается назад. Я уже за порогом камеры. Вертухаи-мутанты стоят далеко. Они не успеют остановить меня.

Чувствую резкий толчок в спину и одновременно хлесткий звук выстрела. Оказывается, здесь есть еще один охранник. Он стоял за дверью. Поэтому я его не разглядел. В лучшие времена, я бы обязательно его учуял. Но не сегодня.

Еще один толчок. Вторая пуля, кажется, пробила мое тело навывлет. Неважно. Я и так уже ходячий труп. Две пули только придали ускорение моему телу. Походя, резким ударом ломаю кадык начальнику тюрьмы. Он, похоже, даже еще не понял, что уже мертв.

А вот лорд Дарем уже все осознал. Благодаря дорогим стимуляторам, даже успел кое-как среагировать. Попробовал уклониться от удара. На моем лице расплылась улыбка, скорее, похожая на оскал потусторонней твари. Нет, старик. Самое глупое решение в твоей жизни было заявиться ко мне сюда. Узри улыбку Плутона перед смертью! Немногие удоставались этой чести!

Шею старику свернул легко. Все-таки привык иметь дело с подготовленными бойцами. Хотя всякое бывало.

Я лежал на бетонном полу, приобняв мертвое тело главы рода Даремов, будто старого друга и счастливо улыбался. Краем глаза я видел, как дергается ствол пистолета охранника, но ударов от пуль уже не чувствовал. Под моей ладонью, жалобно трепеща, затихало сердце моего врага. Отличный подарок! Спасибо тебе, кто бы ты ни был! Надеюсь, тебе понравилось мое прощальное шоу!

А в следующее мгновение свет полностью погас, и меня снова поглотила тьма.

Глава 2

В сознание пришел от дикого холода. Ощущение – словно тысячи ледяных игл пронзили каждую клетку моего много-страдального тела. Перед глазами черная муть. Во рту пересохло. Голова вот-вот лопнет от острой боли.

Неужели мне удалось выжить?

Попытка пошевелиться ни к чему не привела. Тело отказывалось подчиняться. Оно словно стало совершенно чужим.

Я привычно потянулся к энергоисточнику и ужаснулся! Мало того, что он был практически пуст, так он еще и стал меньше примерно в три раза.

После быстрого осмотра энергоканалов обнаружилось множество разрывов. Кроме того, большинство из них были и вовсе неразвиты. По сути, вся сложная и кропотливая работа, проведенная мной на протяжении всей моей жизни, пошла псу под хвост. Тысячи часов медитации и культивации, траты на дорогостоящие стимуляторы – всё насмарку. Даже в пятилетнем возрасте, когда я впервые прикоснулся к источнику, ситуация была не в таком плачевном состоянии, как сейчас.

Что это? Последствия после Поцелуя Болотницы? Или у телохранителей лорда Дарема были какие-то особенные пули, способные разрушать энергоструктуру? И, кстати, поче-

му после всего, что произошло, я все еще жив?

Додумать я не успел. Резкий энергетический толчок вывел меня из равновесия. Неведомая сила подбросила меня вверх и... О, боги! Головная боль исчезла! Могильный холод отступил. В теле появилась необычайная легкость. Черная мусть перед глазами исчезла, и я смог, наконец, нормально осмотреться.

Я находился в небольшой комнате с обшарпанными стенами и низким потолком. Судя по тусклому свету, что пробивался сквозь маленькое решетчатое оконце, меня, похоже, по какой-то причине перевели на верхние этажи тюрьмы.

Я снова посмотрел на окно и нахмурился. А тюрьма ли это? То, что я сперва принял за стальную решетку, было ничем иным как обычной деревянной оконной рамой, разделенной на несколько маленьких секций.

Затем мой взгляд упал на небольшой стол у окна и старенький трехногий стул. На грубой столешнице лежало несколько свитков из грубой бумаги. Чернильница. Дюжина перьев. Маленький подсвечник.

Где это я?

В нескольких шагах от стола из тени выглядывал бок старого шкафа, а рядом с ним стояла небольшая кровать, на которой среди вороха несвежих простыней лежал человек.

На первый взгляд мне показалось, что он спит, но, присмотревшись внимательней, я понял, что вижу остывающий труп. Ошибки быть не может. Глаз у меня наметан. Небреж-

ная пропитавшаяся кровью повязка на голове бедолаги не давала повода для сомнений о причинах его смерти.

А парню-то лет двадцать. Как говорят: вся жизнь еще впереди. Хм... Была...

Судя по телосложению, покойный любил поесть. Руки холёные. Явно не из работяг. На пухлых пальцах характерные черные пятна. Видимо, все эти чернила и перья на столе принадлежат ему. Наверное, очередной богатенький чудик, повернутый на ролевых играх под старину.

Только вот напрашивается вопрос. Какого хрена я здесь делаю?! И что вообще происходит?!

Когда, наконец, мой взгляд упал на лицо покойного, и я всмотрелся в его мертвенно-бледные черты, по моему телу пробежал очередной энергетический импульс.

Не может быть! Парень, лежавший на кровати, был очень похож на меня. Да – у нас были разные телосложения, но цвет волос, овал лица, нос и глаза... Поразительное сходство!

Еще один энергетический всплеск более мощный, чем предыдущий, заставил меня отвлечься от созерцания покойника. Я ошарашенно огляделся, посмотрел на свои полупрозрачные руки, переплетенные энергоканалами, и вдруг до меня дошло, что все это время я парил в воздухе, словно какое-то гребаное киношное привидение.

Значит, все-таки это правда? Голос из тьмы сдержал свое слово?

Стоп! Так это и есть то тело, которое он обещал мне подыскать? Вот, значит, какой будет моя последняя жизнь?

Ну уж нет! Так просто меня не возьмешь! Собрав всю свою ярость в кулак, я рванул к замершему на постели телу. Физическая оболочка неожиданно легко приняла мое энергетическое тело. Похоже, в моей пухлой копии все еще теплилась жизнь.

Как только произошло слияние на меня снова навалился тот могильный холод, пронзающий до мозга кости. Нестерпимая головная боль тоже вернулась. Чувствуя, что мое сознание вот-вот померкнет, я последним усилием воли зачерпнул остатки энергии из своего куцега источника и направил ее прямо в сердце. За мгновение до того, как меня накрыла тьма, я почувствовал в груди слабенький несмелый толчок.

* * *

Я очнулся от того, что меня кто-то требовательно тряс за плечо. Глаза открывал нехотя. Сквозь муть смог разглядеть чью-то круглую физиономию, склонившуюся надо мной, которая тут же обратилась ко мне раздраженным голосом.

– Господин Ренар? Вы меня слышите?

Кто? Что? Какой еще господин? Что за... Додумать я не успел. В памяти тут же всплыли воспоминания о произошедших со мной изменениях и соображалка Плуто, как всегда

это бывало в стрессовых ситуациях, тут же вступила в работу.

Несмотря на то, что обладатель круглой физиономии обращался ко мне на незнакомом языке, я его прекрасно понимал. Мозг незамедлительно выдал объяснение. Видимо, это наследство от предыдущего хозяина тела. Правда, попытка потянуть за эту ниточку ни к чему не привела. Память о прошлом моего двойника отсутствовала. Либо, что более вероятно, она будет иногда выдавать какие-то крохи информации, навроде знания местного наречия.

– Кто здесь? – старательно изображая страдание, прохрипел я пересохшим горлом и попытался взглянуть в незнакомое лицо. Разговаривать на новом языке было неожиданно легко. Словно всю жизнь на нем проговорил.

– Ну, а кому вы еще здесь могли понадобиться? – насмешливо хмыкнул незнакомец и я почувствовал прикосновение холодных пальцев к моему запястью. – Разве что мне, да вон еще старику Бертрану. А сейчас помолчите... Я должен проверить ваш пульс.

Краем уха я услышал старческие вздохи, доносившиеся из другой комнаты. Ага, значит здесь есть еще кто-то.

– Господин... – раздался из темноты шепот полный надежды.

И этот кто-то, судя по интонациям в голосе, относится ко мне, а вернее, к бывшему носителю уже моего тела, более чем дружелюбно. Проверим...

– Бертран? – также жалобно и тихо прохрипел я, наугад обращаясь к невидимому собеседнику. – Воды...

– Сейчас, господин! – обрадовался старческий голос. – Сейчас!

Отлично. Я уже не один в этом странном новом мире.

Где-то в глубине дома началась возня. Спустя некоторое время, я ощутил движение у изголовья моей кровати, а потом в рот полилась тоненькая струйка спасительной влаги. Я зажмурился от удовольствия. От ледяной воды сводило зубы, но я не обращал на такую мелочь внимания. Блаженство! Хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось.

Не открывая глаз, я было потянулся рукой к емкости, из которой меня поили, чтобы усилить поток спасительной влаги, но моя конечность меня не послушалась. Попытка пошевелить левой рукой, а затем и ногами ни к чему не привела. Мое новое тело все еще было чужим. Пока все, на что я был способен – это очень медленно водить головой из стороны в сторону. Ну, еще гадить под себя.

Но это все ерунда. Я жив! И это главное.

– Господин целитель, что со мной? – спросил я, когда вода закончилась. Любопытно, что скажет местный эскулап. Мне-то после беглого сканирования моей энергоструктуры уже ясно, что кризис миновал. Источник, даже с таким куцым объемом, кое-как, но все-таки справлялся с регенерацией. Правда, из-за множественных разрывов энергоканалов во всем теле я пока временно остаюсь парализованным.

Выздоровление продвигалось бы быстрее, если бы не ужасная рана на голове, которая высасывала из источника львиную долю всей накопленной энергии. Интересно, как это моего двойника угораздило?

Круглолицый фыркнул и, отпустив мою руку, начал то-ропливо собирать свои пузырьки и баночки в черный кожаный саквояж.

– Господин, Ренар, – раздраженно пробурчал он. Ему явно не доставляло удовольствия мое общество. – Вам прекрасно известно, что никакой я не целитель, а всего лишь лекарь первой ступени. Так что поберегите свою лесть для других ваших кредиторов. А что касается вашего старого долга мне... Так и быть, я готов дать вам отсрочку в честь, так сказать, вашего чудесного выздоровления. Боги по какой-то неизвестной мне причине смилостивились над вами, господин Ренар. В прошлый раз, когда я был здесь, вы находились при смерти. Но сейчас... Даже ума не приложу, что произошло. Если бы не знал, что вы на мели, подумал бы, что над вами действительно сжалился кто-то из мастеров целителей.

А вот и новые проблемы. Паренек, я смотрю, прям фартовый. Набрался долгов, получил по башке и свалил по-быстрому куда-то на перерождение начинать все с чистого листа и с чистой памятью. А мне все это дерьмище разгрести.

Тот, кто меня сюда законопатил, похоже, ждет от меня очередного шоу.

Ладно. Разберемся. Всему свое время.

Док тем временем кивнул на стол, где стоял небольшой пузырек.

– Это настойка из пыли алого пустыша. Там десять капель. Будете принимать по одной в день.

Я нахмурился, пытаюсь обратиться к памяти предшественника. Но, увы, напрасно. Совершенно незнакомое название.

Лекарь же мою пантомиму объяснил для себя по-своему.

– Нет, не пытайтесь меня благодарить. Лучше скажите спасибо вашему слуге. Бертран расплатился со мной из своих личных сбережений.

Ну, хоть за Бертрана спасибо. Значит, у меня есть преданный слуга. Уже какой-то бонус. Хотя, откровенно говоря, я зря иронизирую. После дна Ямы мое нынешнее местоположение можно легко назвать райским местечком.

Док хотел было подняться с треногого стула, но немного замаялся и решил все-таки еще что-то добавить:

– Откровенно говоря, Макс... Таких преданных слуг, как твой Бертран, днем с огнем не сыщешь. Береги его... Хотя, зная твое наплевательское отношение к старику, скажу тебе как на духу. Несмотря на твое происхождение, ты не достоин Бертрана.

– Благодарю за откровенность, господин лекарь, – прохрипел я, пристально глядя в глаза круглолицему.

К слову, пока он читал мне нотации, я немного проморгался и смог нормально его рассмотреть. М-да... Я словно

на съемки исторического фильма попал. В моем мире подобным образом одевались в веке эдак семнадцатом или даже восемнадцатом. Правда, мне сложно рассуждать об этом: я плохо разбирался в истории моды.

Док был одет неброско, но, судя по качеству и хорошему состоянию ткани его одежды, с деньгами у него было все в порядке. Мне заметка на будущее. Люди, связанные с медициной, здесь не бедствуют. Значит, мои навыки зельеварения пригодятся.

Похоже, лекарь уже перешагнул свой шестидесятилетний рубеж, но выглядел бодрячком. Минимум морщин для этого возраста, здоровая кожа, ясный взгляд, зубы на месте и в хорошем состоянии. Но, судя по слегка выпирающему брюшку, покушать явно любит.

Что же касается моего предшественника... Лекарь упомянул о многочисленных кредиторах, плюс – о свинском отношении к преданному слуге. Судя по всему, этот Макс Ренар был еще тем уродом. Похоже, меня ждет еще много сюрпризов.

Хм, а вот к доку надо присмотреться. Выходит, я тут отношусь к какому-то привилегированному сословию (хотя по моему нынешнему обиталищу это незаметно), но он все равно не побоялся высказаться в защиту чужого слуги.

Лекарь, кстати, после моих слов как-то странно на меня посмотрел. Видимо, от Макса Ренара он ожидал другой реакции на свою отповедь. Надо полагать – более бурной и ме-

нее адекватной.

После короткой паузы он все-таки поднялся со стула и произнес уже более официальным тоном:

– Что же касается вашего вопроса о вашем состоянии... Рану на голове я вам обработал. Повязку поменял. Исходя из того, что я увидел – через две недели швы уже можно будет снимать. Должен заметить, вы обладаете отменной регенерацией. Одним словом – молодость! О временной слабости вашего тела не беспокойтесь. Все будет в порядке. Сила к вам скоро вернется. Организм молодой – справится. Кризис миновал. И да... Позвольте мне дать вам еще один совет на прощанье.

– Если он будет таким же дельным, как предыдущий – тогда я с благодарностью его приму, – кивнул я, чем заработал еще один пристальный взгляд дока.

– Кхм, это уже вам решать, дельный он или нет, – слегка замялся док, но, быстро справившись со смущением, продолжил: – Советую вам, прежде чем вызывать кого-то на дуэль, сперва изучить своего будущего соперника. Разве вы не знали, что Винсент де Ламар – профессиональный бретер? На что вы вообще рассчитывали, обнажая свой меч против такого, как он?

В ответ на эту пламенную речь я решил промолчать. Ну а что говорить? Пока мало вводных. Если поддержу этот разговор, то обязательно проколюсь на какой-нибудь мелочи. О том, что в тушке Макса Ренара поселилась душа иномирая-

нина, я никому говорить не собирался. Буду отыгрывать частичную амнезию после травмы.

– Я сейчас смутно помню, что произошло в тот день, – начал я претворять в жизнь свой замысел. При этом я сильно морщился словно от сильной боли и старательно изображал растерянность. – Да и в остальном как-то все с трудом вспоминается...

– Ну еще бы! – тут же заглотил наживку док. – Винсент де Ламар своим мечом вам чуть было пол головы не снес! Если бы не шлем... В общем, вы чудом остались живы. А память постепенно вернется. Это я вам обещаю.

– Благодарим вас, господин Робер! – послышался радостный голос Бертрана. – Пусть боги хранят вас и вашу семью!

– Я ваш должник, господин Робер, – я тут же ухватился за неожиданную подсказку.

– Это уж точно, – хмыкнул док. – Но сперва поправляйтесь, а о долгах уже поговорим потом.

Затем он холодно попрощался и покинул мою комнату.

Пока он о чем-то разговаривал с Бертраном в другой комнате, я прикрыл глаза и устало выдохнул. Затем привычно потянулся к источнику. М-да... Печальное зрелище. Он, оказывается, еще меньше, чем мне показалось сначала. Но главное, что он у меня вообще есть, и что важно – он справился с оживлением этого тела.

Во время разговора с доком я несколько раз переходил на истинное зрение, чтобы просканировать его энергосисте-

му, а также энергосистему старого слуги, который постоянно держался в тени. Беглый анализ показал, что и тот, и другой – обычные люди. Впрочем, все также, как и в моем мире. Подобных мне одаренных я встречал лишь дважды в своей жизни. С одним я сошелся в бою в поместье лорда Дарема и победил его, а вторая усыновила и воспитала меня.

Но сейчас я в другом мире. Кто знает, что тут и как? Тем более, что Робер упомянул о каких-то мастерах целителях, которые явно способны на большее, чем обычные местные лекари.

От созерцания медленно восстанавливавшейся энергоструктуры меня отвлек звук осторожных шагов. Я слегка приоткрыл веки и, не поворачивая головы, скосил глаза в сторону двери. На пороге моей комнаты появился Бертран. Теперь в свете солнечных лучей, пробивавшихся сквозь небольшое оконце, я смог нормально разглядеть моего слугу и, похоже, моего единственного союзника в этом мире.

На вид – лет шестьдесят, но еще крепкий. Жилистый. Невысокого роста. Седой, как лунь. Как для своих лет, двигается легко, без присущих этому возрасту прихрамываний. Спину держит прямо. Короче, назвать его дряхлым у меня бы язык не повернулся. И учитывая приличное состояние его энергосистемы, Бертран еще проживет довольно долго.

Его одежда, даже на мой неискушенный взгляд иномирца, была старой и поношенной, но, что важно, чистой и опрятной. И вообще, Бертран производил впечатление любителя

чистоты и гигиены. От него не воняло ни потом, ни табаком, да и в моей комнате царил порядок. Кроме разве что бардака на письменном столе. Напрашивалось только одно объяснение. Почивший в бозе Макс Ренар не любил, чтобы кто-то трогал его бумаги. Даже преданный слуга.

Кстати, от меня тоже не воняло. Видимо, пока я был в отключке, Бертран заботился о чистоте моего парализованного тела. А также кормил и поил. В общем, за Бертрана моему неизвестному «благодетелю» отдельное спасибо.

Когда старик приблизился к моей кровати и начал бережно поправлять одеяло, я решил пойти на первый контакт.

– Бертран? – грустно прошептал я. – Это ты, старина?

Слуга вздрогнул и я, сквозь полуприкрытые веки, увидел, как его нижняя челюсть поползла вниз, а глаза расширились от удивления. Складывалось такое впечатление, что прежний Макс Ренар никогда не разговаривал со своим слугой в таком тоне. Что-то в этом роде я и предполагал, но, взвесив все «за» и «против», решил начинать отношения с моим единственным союзником и проводником в этом мире с чистого листа.

– Господин... – пролепетал он.

– Знаешь, – жалобно продолжил я. – Оказавшись на пороге между жизнью и смертью, я очень многое понял. Я взглянул на свою жизнь как бы со стороны... Понимаешь?

Бертран часто-часто закивал и весь подобрался. В уголках его серых глаз застыли слезы. Растрогать старика получилось

очень легко. Видимо, бедняга очень любил своего непутевого хозяина. Не удивлюсь, если узнаю, что он воспитывал Макса еще с пеленок.

– А ведь господин Робер тысячу раз прав. После того, что ты для меня сделал и продолжаешь делать, я недостойн тебя.

– Господин! – бедняга Бертран, закрыв широкими жилистыми ладонями свое лицо, уже откровенно рыдал. – Вы не должны так говорить!

– Не плачь, друг мой, – прохрипел я. – Мне стыдно за то, как я относился к тебе.

Неожиданный всплеск эмоций старика меня обескуражил. Ну и скотиной же был этот Макс Ренар.

– Господин...

– Отныне зови меня по имени, – мягко перебил я его. – Просто Максом.

– Нет, – замотал головой Бертран и встрепенулся. – Это невозможно! Пусть вы и незаконнорождённый, но в ваших жилах течет кровь древнего рода. Я же – простой слуга и не имею права так к вам обращаться... Я никогда не брошу тень на вашу честь неподобающим обращением!

Я слегка опешил от этого резкого перехода.

– Хорошо, – пошел я на попятную. Похоже, слегка перегнул палку. Не учел особенности местного сословного кодекса. – Но я все равно разрешаю обращаться ко мне по имени хотя бы, когда мы наедине и никто нас не слышит. Прямо, как сейчас. На такое ты сможешь пойти, старина?

Я открыто улыбнулся.

– Я не могу вам этого обещать, господин, – Бертран поклонился, но по его глазам я понял, что я на правильном пути.

А потом он задумчиво добавил:

– Не знай я вас с самого вашего рождения, то подумал бы, что вы – другой человек. Видимо, вы действительно что-то увидели там, на пороге между жизнью и смертью.

Я был готов к чему-то подобному. Поэтому виду не подал.

– Скажу больше, мой дорогой Бертран... После удара меча этого негодяя Винсента де Ламара моя память серьезно повредилась.

– Да, господин, – охотно согласился Бертран. – Лекарь предупредил меня об этом. Он сказал, что такое часто случается после травмы головы. Наказал ничему не удивляться и помогать вам возвращать воспоминания.

Плюс еще один бал доку. Теперь у меня есть официальная версия, подтверждающая мою амнезию.

– А еще для восстановления вашего здоровья он продал мне настойку из алого пустыша, – с придыханием произнес старик.

– За которую ты заплатил из своих личных сбережений, – с легким укором в голосе сказал я. – Но я благодарен тебе, друг мой.

– Деньги – дело наживное, – отмахнулся Бертран, и в его глазах снова заблестели слезы, но он тут же спохватился и

быстро вытер их ладонями. – Господин, вам пора принять лекарство.

– Как скажешь, – кивнул я. – Надеюсь, оно стоит тех денег, что содрал с тебя этот скряга.

Откровенно говоря, к местной фармакологии я был настроен скептически. Даже с некой опаской. И пусть лекарь, посетивший меня, не был похож на шарлатана, но кто знает, что он там намешал в том зелье.

Бертран бережно взял со стола пузырек и с улыбкой произнес:

– Стоит, еще как стоит. Это же настойка из пыли алого пустыша!

Он сказал это таким тоном, будто у него в руках находилось чудесное лекарство от всех болезней.

Я слегка напрягся. Вадома, цыганка, которая меня воспитала, будучи ведьмой, многому меня научила. В том числе и некоторым рецептам зельеварения. Главным же ее уроком был наказ не пить незнакомые зелья без предварительной проверки.

Таким образом первый наговор, которому она меня обучила, был «Дыхание Змея», с помощью которого можно определить, есть ли в энергоструктуре признаки яда.

Я тяжело вздохнул. Не хотелось тратить драгоценную энергию. Но, увы, придется. Быстро прошептав одними губами текст наговора, я было хотел зачерпнуть немного энергии из источника, но вовремя остановился. Содержимое пузырь-

ка, что держал в своих пальцах Бертран, в истинном зрении как-то странно блеснуло.

Я напрягся и присмотрелся получше. Нет, ошибки быть не может... Вязкая жидкость, похожая на малиновый сироп, тускло светилась. И цвет этой энергии был огненно-алым.

Глава 3

Неотрывно наблюдая за слабыми энергетическими отблесками в склянке, я не сразу заметил, что перестал дышать. Взволнованно кашлянув, я постарался взять себя в руки.

Подумать только! Настоящее энергетическое зелье! Вадом рассказывала мне о таких. Ее прапрабабка, очень сильная ведьма, умела варить подобные настойки. Да и то лишь в том случае, если удавалось собрать в местах силы подходящие ингредиенты.

В мое же время все заповедные места силы уже являлись собственностью аристократов. Так что нам с моей воспитательницей приходилось довольствоваться обычными травами, из которых при всем желании энергетического зелья не сварить.

Но в этом мире, я смотрю, ситуация складывается немного иначе. Даже у простого слуги есть возможность приобрести такое зелье. Вряд ли док продал его Бертрану только ради меня. Значит, все упирается в наличие денег. Что в моем мире само по себе является нонсенсом. Такие штуки у нас только для привилегированных. А про цены я вообще молчу.

Кстати, вопрос об одаренных встал с новой остротой. Они здесь есть и их должно быть намного больше, чем в моем мире. Кто-то же эти настойки должен варить? Да еще и в

таком количестве, чтобы хватало даже простым слугам.

– Сколько он с тебя содрал? – обратился я к Бертрану.

Слугу мой вопрос смутил.

– Это не важно, господин...

– Говори, старина, – подбодрил я его. – Мне необходимо знать.

– Господин... – качнул головой Бертран. – Давайте вопрос денег оставим на потом. Вы живы и это главное. Сейчас же вам необходимо набираться сил. Выпейте сперва лекарство, а потом, когда вам станет легче, я вам все подробно расскажу.

Наши взгляды встретились. Старик явно намерен гнуть свою линию. Ладно... Не буду настаивать. Сейчас главное – не передавить. Можно сделать только хуже.

– Хорошо, старина, – кивнул я, делая вид, что поддался на уговоры. – Твоя взяла. Но мы обязательно вернемся к этому разговору.

Лицо старого слуги просияло. Сколько участия и обожения было в его взгляде. Неужели этот Макс Ренар был настолько конченной скотиной, что не замечал такого прекрасного человека рядом с собой?

Если это так, то мне придется очень долго выходить из этого образа. Иначе резкие перемены в моем характере все сразу заметят. Хотя всегда есть значимый довод в виде тяжелого ранения, вследствие которого и произошло переосмысление прошлой жизни молодого Макса Ренара.

– Вот и хорошо, молодой господин, – словно курица насадка тут же закудаhtал вокруг меня старик. – Надо набираться сил. У вас еще вся жизнь впереди. А деньги? Ну что те деньги? Зачем они старому Бертрану, когда господин при смерти. Я так и сказал господину лекарю, как только вас привезли после дуэли. Но в тот раз он сказал, что настойка все равно не поможет и что вы так и так умрете. Поэтому не продал мне ее. Мол нечего зря тратить редкое зелье. Но теперь другое дело! Боги услышали мои молитвы!

Краем уха слушая бормотание слуги, я мотал все на ус. Значит, энергетические зелья все-таки редкая штука, пусть и не настолько, как у нас. А док, кстати, невзирая на риск потери одолженных денег Максу, не спешил его спасать. Любопытная деталь. Надо запомнить.

Но для каких-то окончательных выводов необходимо понять, насколько эта настойка эффективна. Вот сейчас и попробую.

Бертран, заботливо придерживая мою голову левой рукой, правой медленно поднес к моим губам пузырек, на горлышке которого имелась небольшая узенькая насадка. Сделанная из какого-то металла она имела продолговатую форму. Похоже на дозификатор.

– Лекарь предупредил, чтобы принимали по одной капле в день, – произнес старик, внимательно следя за узким носиком дозификатора.

Я хотел было спросить, не говорил ли док, что произой-

дет если превысить дозировку, но не успел. Маленькая огненно-алая капелька, радостно блеснув, упала мне на язык.

Я напрягся... Увы, но какого-то супер-чуда не произошло. Чужая энергия всего лишь на короткое время спровоцировала ускорение запущенных ранее мною процессов в энергосистеме. Мои ярко-голубые энергоканалы мгновенно поглотили тусклую алую капельку, будто ее и не было вовсе. По физическому телу пробежала волна приятного тепла. Вот, собственно, и всё. К слову, стимулирующие зелья Вадомы из обычных трав, да и мои тоже, имели более длительный и заметный эффект.

Док был прав. Эта настойка – не панацея от всех болезней. Она не вытащила бы Макса Ренара из могилы. По крайней мере, не с таким уровнем концентрации алой энергии в жидкости.

Я открыл глаза и увидел напряженное лицо Бертрана. Сколько надежды и ожидания было в его взгляде. А еще мне показалось, что он был удивлен чему-то.

– Спасибо, старина, – не стал разочаровывать его я. – Мне намного легче. Я уже чувствую, что скоро пойду на поправку.

Губы старика растянулись в счастливой улыбке, а на глазах выступили слезы.

– О, боги! Как я счастлив!

– Кстати, – я решил воспользоваться моментом. – Уверен, что ничего не случится, если я выпью все содержимое этого

пузырька прямо сейчас.

Старик тут же испуганно посмотрел на меня и медленно отвел руку с пузырьком себе за спину.

– Господин лекарь строго настрого запретил так поступать, – произнес он.

Я с трудом сдержался, чтобы не закатить глаза и не высказать все, что думаю об этом лекаре. Сообщать Бертрану о своих способностях я пока не спешил. Мне пока не было ясно, умеет ли старик держать язык за зубами. И не напугаю ли я его этой новостью. Думаю, с него пока хватит и моей амнезии.

– Давай поступим следующим образом, – начал мягко говорить я.

От моего тона, старик еще больше напрягся. Хм... Видимо, мой предшественник ранее использовал подобные интонации перед совершением какой-нибудь пакости.

– Я ведь не собираюсь выпить эту настойку залпом. Скажем, по одной капле с интервалом в полчаса будет в самый раз. Взгляни на меня. По мне разве видно, что лекарство мне как-то навредило?

– Но лекарь... – начал было старик.

– Ты же знаешь этих лекарей, – фыркнул я. – Не хотят брать на себя лишней ответственности.

В моем мире этот прием обязательно сработал бы. Все люди любят обвинять в своих бедах кого угодно, кроме себя. Врачам, «которые не умеют лечить» от простого населения

достается особенно.

Но с Бертраном получилось наоборот. Он еще больше напрягся.

– Господин Робер знает свое дело. Он – один из лучших лекарей в этом городе. Я лично знаком с некоторыми, кому он помог.

М-да... Промах. Эх, скорей бы уже тело начало слушаться! Беспомощное состояние начинало раздражать.

– Но вы правы, – неожиданно произнес Бертран. – Мне доводилось видеть действие настойки из пыли алого пустыша на одного человека. После одной капли он мгновенно заснул и проспал целые сутки. Но его рана даже близко не была такой опасной, как ваша. Вы же, я смотрю, даже взбодрились.

Значит, все-таки мне не показалось. Бертрана удивило то, что после приема лекарства я сразу не вырубился. Видимо, энергетические зелья на обычных людей действуют иначе, чем на одаренных.

– Вот видишь! – обрадовался я.

– Два часа, – быстро произнес Бертран.

– Что? – не понял я.

– Интервал. Два часа. И если я вижу, что вы теряете сознание – мы останавливаемся.

Бертран вытащил руку с пузырьком из-за спины.

– Договорились, – кивнул я.

– Тогда ждем два часа, – произнес Бертран и достал из ма-

ленького кармашка своего жилета небольшой брегет на тонкой цепочке. – Сейчас без четверти пять. Предлагаю принять лекарство после ужина.

Я проводил взглядом часы слуги, которые он снова спрятал в кармашек. Явно серебряная игрушка. Любопытно, откуда такая вещь у простого слуги?

Заметив мой взгляд, Бертран снова достал часы и с грустной улыбкой показал их мне.

– Подарок вашей покойной матушки, – со вздохом произнес он. – Еще ни разу не подвели меня. Часовых дел мастера Бергонии знают свое дело. В детстве вы всегда любили играть с этими часами. Жаль, что ваша матушка не увидела, как вы росли.

А вот и удобный момент подвернулся. Можно начать задавать вопросы.

– Пока ждем, расскажи мне о ней, – попросил я, подражая его грустному тону.

И старик постепенно, благодаря моим наводящим вопросам, начал выкладывать всю подноготную Макса Ренара и его семьи. Бертран говорил без умолку, будто старался использовать удобный момент, пока хозяин внезапно подобрел, и выложить ему все, что у него скопилось на сердце за последние годы.

Я же, в свою очередь, был благодарным слушателем. Когда надо, я грустно вздыхал, иногда негодуяще качал головой, удивленно тарачил глаза – в общем делал все, чтобы

разговорить старика. Мы даже пропустили намеченный прием лекарства. Вернее, Бертран пропустил. Я-то следить за временем не прекращал, но остановить старого слугу даже не подумал – уж больно любопытные и удивительные вещи он рассказывал.

Спохватился он только тогда, когда комнату накрыл сумрак. Выдав мне следующую дозу энергетического зелья, Бертран, кляня себя за болтливость, убежал готовить ужин. Когда он удалился, я тяжело вздохнул и закрыл глаза.

М-да, попал я. Но могло быть и хуже.

В свои неполных двадцать лет Макс Ренар успел уже покуролесить. Но судя по тому, как Бертран рассказывал о похождениях моего двойника, такое поведение для молодых отпрысков знатных родов было в порядке вещей. И в какой-то степени даже закономерным. Высокое положение родителей, вследствие чего – безнаказанность, плюс наличие денег, помноженное на молодые гормоны и вседозволенность. Короче, Макс Ренар не был исключением из правил.

Но имелись свои нюансы. А именно – печать незаконнорождённого. Макс был бастардом графа Фердинанда де Грамона. Нужно отдать должное папаше – дитя, рожденное в грехе, он признал и принял самое деятельное участие в его воспитании. Правда, фамилию, как и полагалось бастардам, Макс унаследовал от матери.

Бертран сказал, что граф очень любил мать Макса, которая к слову хоть и не являлась аристократкой, но была до-

черью богатого столичного купца Паскаля Леграна. Его любимой дочерью, которая, увы, умерла во время родов. Макс, как и я в моей прошлой жизни, стал причиной смерти матери.

Несмотря на то, что Бертран всячески пытался говорить о матери Макса только хорошее, мне не стоило труда составить о ней собственное мнение.

Короче, мамаша была еще той оторвой. Когда ей исполнилось восемнадцать, она умудрилась сбежать с каким-то красавцем гвардейцем северянином и тайно с ним обвенчаться. Так она стала Анной Ренар.

Спустя некоторое время, когда прихваченные из отцовского дома деньги и личные драгоценности быстро улетели в трубу, вести веселый и разгульный образ жизни больше не представлялось возможным. Юная Анна, дочь купца из золотой сотни, с детства привыкшая к роскоши и армии нянек, неожиданно осознала, что жизнь без денег – это вовсе не жизнь.

Она написала слезливое, полное раскаяния письмо своему богатому папаше, который тут же примчался на помощь к любимой дочурке. Он быстро решил с гвардейцем-супругом вопрос с разводом, дав тому приличную сумму отступных, благо тот тоже более не горел желанием жить с избалованной оторвой. В конечном итоге, Анна, уже будучи Ренар, вернулась в столицу.

Первое время она жила затворницей, старательно играя

роль несчастной вдовы. Именно за эту легенду заплатил папаня гвардейцу. Но спустя несколько месяцев начались еженедельные поездки на личном экипаже в столичный театр, посещения приемов и столичная жизнь снова подхватила и понесла юную Анну в направлении новых приключений.

На одном из таких приемов она влюбилась в графа Фердинанда де Грамона, который к тому моменту уже был женат и имел двух сыновей и трех дочерей.

Быстро вспыхнувший роман закончился рождением Макса и смертью Анны.

Разбитый горем Паскаль Легран после потери любимой дочери в пух и прах разругался с графом. О новорожденном внуке он не хотел ничего слышать. Он запретил всей своей семье под страхом лишения наследства даже упоминать о бастарде и его графе отце, которые, по его мнению, по сути, и стали причиной смерти его милой дочурки.

В общем, Макс Ренар воспитывался, как истинный аристократ, но только не в доме графа, а в старой столице, где у него был собственный особняк, слуги и учителя.

Единственным связующим звеном с купеческой семьей, как ни странно, и был Бертран, который всю жизнь прослужил Анне Ренар и, согласно ее предсмертному желанию, остался при маленьком бастарде.

Собственно, именно поэтому Макс и не любил старика, который своим существованием напоминал ему о его происхождении. Отсюда и отвратительное отношение к бедняге,

которое с каждым годом усугублялось. Особенно в свете последних событий, поставивших жизнь юноши с ног на голову.

Дело в том, что Фердинанд де Грамон и еще несколько десятков представителей древнейших родов Вестонии участвовал в заговоре против своего короля Карла Третьего Победителя.

Изменники потерпели поражение и папаша Макса, а также его соратники были обезглавлены. Большая часть собственности графа ушла в казну, а часть была унаследована младшим братом Фердинанда, графом Генрихом де Грамоном. Кстати, именно младший братишка настучал в королевскую канцелярию о заговоре, чем и сохранил часть собственности брата-изменника. Король был щедр в те дни к своим сторонникам и союзникам, особенно на фоне массовых казней именитых заговорщиков на столичной площади.

Сыновья Фердинанда, также участвовавшие в заговоре, были казнены вместе с отцом, а дочерей и слегка тронувшуюся умом жену графа взял на содержание дядя-стукач.

Макса же, как бастарда, никто всерьез не воспринимал. Дядя выдал ему триста серебряных крон и выгнал взащей из подаренного отцом дома. Да еще и с наказом убраться подальше от столицы. Куда-нибудь на границу королевства.

Собственно, вот так Макс Ренар и оказался в небольшом городе на западе королевства Вестония под названием Абвиль, где и проживал последние девять месяцев.

Оказавшись без привычного присмотра няnek и учителей, он был очарован свободой. Рядом с ним тут же нарисовался отряд прилипал из разных бездельников, почуявших запах легких денег. Громкие гулянки и пьяные кутежи, дорогие наряды, подарки шлюхам, карты и кости – Макса на всех парах несло в пропасть, в которой, собственно, он в конце концов и оказался.

Три сотни крон, что по местным меркам – огромная сумма, за неполных три месяца были успешно потрачены. Оставшись без средств Макс не растерялся и начал активно одалживать деньги у местных аристократов, без зазрения совести прикрываясь именем дяди.

Первое время его охотно ссужали довольно крупными суммами, которые он продолжал тратить направо и налево. Но потом, когда до аристократов Абвиля дошел слух об изгнанном бастарде, все изменилось.

В кредитах было отказано, как и в посещении домов уважаемых граждан. Макс покинул дорогие апартаменты в центре города и переехал в маленький флигель доходного дома в торговом квартале.

Затем начались походы в ломбарды и к скупщикам, где Макс и оставил свое последнее более или менее ценное имущество. И как вишенка на торте – юный бастард умудрился нарваться на дуэль с профессиональным бретером из-за какой-то местной актрисульки.

Кстати, на мой взгляд, с этой дуэлью не все так однознач-

но. С этим мне еще предстоит разбираться – интуиция подсказывает, что этот Винсент де Ламар просто так от меня не отстанет. Ему же хуже.

Хотя я предпочел бы убраться из этого городка по-тихому. О чем и намекнул в разговоре с Бертраном. И снова дал маху. Моя идея старика напугала. Оказалось, что как только я тайно покину город, не наведив перед отъездом всех моих кредиторов, меня тут же объявят преступником, и в следующем городе первый же стражник будет в своем праве арестовать меня.

Единственная причина, по которой Макс до сих пор не оказался в долговой яме, это имя графа де Грамона, которое нынче имело вес в королевстве, особенно после того, как Генрих, пожертвовав родной кровью, показал преданность королю.

Кроме того, кредиторы все еще тешили себя надеждой, что влиятельный дядя смилостивится над своим непутевым племянником и оплатит все его долги. При чем бастард он или нет – не имеет значения. Древняя кровь, что течет в его жилах – вот, что важно. Сегодня непутевый племянник в немилости, но кто скажет, что будет завтра? Вдруг его сиятельству взбредет в голову снова приблизить бастарда брата? Такое происходило сплошь и рядом.

Только вот, слушая Бертрана, я нарисовал в своей голове совершенно другую картинку. Дядя Макса еще та сволочь. Предал родного брата, чтобы прибрать к рукам его собствен-

ность. И на племянника ему плевать. Он наверняка уже и забыл о нем.

Короче, так себе наследство мне досталось. Но есть и плюсы. Я жив.

Глава 4

Мои размышления прервал шум в другой комнате. Это вернулся Бертран. Он появился на пороге с небольшим подносом в руках, на котором стояла глиняная глубокая миска с чем-то горячим и источающим умопомрачительные ароматы. Также на подносе я заметил приличный кусок ржаного хлеба и внезапно осознал, что готов сожрать слона.

– Господин, – извиняющимся тоном, произнес Бертран. – Это все, что мне удалось добыть. Знаю, вам не по душе простая еда, но вам необходимо набираться сил. А чечевичная похлебка – самое то для такого дела. Говорят, что сам Генрих Третий Свирепый, прадед нашего короля, когда бывал в военных походах, ел из одного котла со своими воинами именно такую похлебку.

Ох, Бертран, Бертран... Знал бы ты, старик, чем мне приходилось иногда питаться...

Старик опустил поднос на табурет у изголовья моей кровати и со вздохом пробурчал:

– У этой мадам Ришар нет сердца... Сначала сменное белье и уборка, потом еда, теперь вот уже и дрова... Как можно быть такой злой и жестокой?

– Наши дела совсем плохи? – осведомился я, при этом не сводя голодного взгляда с миски с густой похлебкой. Рот тут же наполнился слюной.

Процесс регенерации требовал усиленного питания. Иначе при такой энергоактивности, источник очень быстро высосет все соки из физического тела.

Бертран же, не замечая моего состояния, продолжил жаловаться:

– Сушая мегера! Всего за три месяца задержали оплату, так она запретила приходить служанке убираться и менять постельное белье. Кухарка больше не дает еду. Хотя уборка и стол входили в оплату. А только что Жак, ее дворник, отказался выдать мне дрова. Мегера! Как есть мегера!

То-то я смотрю у нас здесь колотун. Стоп! Тогда откуда еда?

– И во сколько тебе обошелся ужин? – как бы между прочим спросил я.

– Ну, дык пять оболов за небольшой котелок похлебки, да два обода за буханку ржаного хлеба. Итого семь медяков. Но это еще по-божески. Вот пару дней назад я подал вам холодной телятины с картофелем, так чертовка с меня целых двадцать оболов содрала...

Старик вдруг осекся и испуганно посмотрел на меня. Учитывая тот факт, что Бертран купил дорогую настойку из своих личных сбережений, он, похоже, из своего кармана еще и кормежку хозяина оплачивал.

– И как давно я столуюсь за твой счет, старина? – я сейчас был похож на змея, что загипнотизировал бедную лягушку.

Старик опустил голову.

– С того момента, как мадам Ришар приказала не кормить нас, прошло уже три месяца. А за вашей одеждой и порядком в доме я сам слежу. Получше некоторых вертихвосток. Ну, еще дров сегодня прикупил.

– Напомни мне, сколько я тебе плачу жалования? – я поморщился, изображая головную боль.

Старик вдруг вздрогнул и поднял голову. В его широко открытых глазах читалось неприкрытое изумление. Похоже, я все-таки умудрился ляпнуть что-то.

– Вижу, господин Робер был прав, – прошептал он. – Вы действительно многое забыли...

– Мой вопрос обидел тебя? – участливо поинтересовался я.

Старик снова вздрогнул и поспешно запричитал:

– Господин! Как вы могли такое подумать?! Просто...

– Смелее, старина.

Бертран кивнул и произнес:

– Вы забыли, что сервам не положено платить, господин.

Они следуют за своими хозяевами и живут их милостью. Когда-то я служил вашему деду, затем вашей матери и теперь согласно ее завещанию – я следую за вами.

Я сперва не совсем понял, что он хотел этим сказать, но потом до меня, наконец, дошло. Я нахмурился. Челюсти сжались сами собой. Выходит, Бертран – невольник?

М-да, кем я только ни был за мою короткую, но насыщенную жизнь. Но вот рабовладельцем пришлось побывать

впервые... Динамика развития событий, скажу честно, так себе.

Я заметил, как испуганно отшатнулся от меня старик. Черт... Пришлось на мгновение прикрыть глаза и медленно выдохнуть.

– Господин... – прошептал он. – Я никогда не видел вас таким. Столько ярости и гнева было в ваших глазах! У меня от вашего взгляда даже мороз по коже. Будто из склепа могильным холодом дохнуло.

– Прости, что напугал, – улыбнулся я. – Ни в коем случае не бери это на свой счет. Кстати, раз уж мы заговорили об этом... Знаешь ли ты, где располагается контора ближайшего стряпчего? Который не слишком дорого берет за свои услуги, но с хорошей репутацией.

– Да, господин, – кивнул старик. – Есть контора господина Моро на восточной улице. Я слышал, как на рынке о нем отзывались купцы. Говорили, что он дотошный и аккуратный, а еще, в отличие от своих коллег, не очень дорого берет за свои услуги.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда сделай вот что... Сходи-ка ты завтра в эту контору и попроси, чтобы господин Моро навестил меня, когда сможет.

Бертран абсолютно не удивился моей просьбе. Он лишь молча кивнул. Вероятно, это потому, что для него это была вовсе не просьба, а приказ господина, который он не собирался обсуждать.

Я снова поморщился, но быстро взял себя в руки.

– А теперь, – сказал я. – Давай-ка все-таки поедим. Пока это королевское лакомство не остыло.

Бертран усмехнулся и потянулся к ложке и миске.

– Скажете тоже... Королевское...

– Это не я, это ты так сказал, – изобразил я удивление.

– Я?! – округлил глаза Бертран.

– Ну а кто? – улыбнулся я. – Или это не ты тут мне все уши прожужжал о его величестве Генрихе Свирепом, который обедал своих солдат на привалах?

На беднягу Бертрана было страшно смотреть. Он мгновенно побледнел и, кажется, поседел еще больше. Я мысленно отвесил самому себе подзатыльник. Не хватало еще своими шуточками деда в гроб загнать.

– Выдохни, старина, выдохни! Я же пошутил! И покорми уже меня, наконец, иначе действительно похлебка остынет.

* * *

После сытного ужина я дождался, пока Бертран тоже поест, а потом попросил его провести ревизию всех пожитков Макса.

Итак, я стал наследником трех комплектов одежды. Пары сапог и пары туфель. Набора туалетных принадлежностей. Нескольких книг. В основном это были какие-то модные романы и сборники стихов. Небольшой шкатулки, в ко-

торой хранилась стопка каких-то писем и бумаг. Там же был обнаружен пузырек размером с куриное яйцо из мутного темно-коричневого стекла, увидев который Бертран здорово оживился.

Оказалось, что это были специальные чернила из пыли бурого пустыша. Просканировав пузырек истинным зрением, я, к моему удовольствию, обнаружил, что жидкость, содержащаяся в нем, имеет свечение грязно-бурого цвета.

Расспрашивать Бертрана не понадобилось, он сам все рассказал. Оказалось, что Макс умудрился сохранить ценные чернила, которые использовались для написания важных документов или писем. Хотя старик думал, что его непутевый хозяин уже давно занес их скупщику.

Бертран помнил, что Макс отдал за полный пузырек пять серебряных крон. По местным меркам – огромная сумма. Обычный писарь в Абвиле зарабатывал около двадцати пяти талеров в год или две с половиной кроны. А хороший каменный дом в приличном районе в этом же городе стоил около двух сотен крон.

Кстати, мне удалось вытащить из Бертрана информацию о цене за лечебную настойку. Лекарь содрал с него восемь крон. Тому же писарю пришлось бы копить на такое лекарство несколько лет. Но у него есть жалование. А у Бертрана, как у безвольного серва, его нет, но он каким-то образом умудрился накопить приличную сумму, часть из которой он добросовестно тратил на своего хозяина.

Док прав. Мой покойный двойник даже мизинца Бертрана не стоил. Ну ничего, теперь все будет по-другому.

Помимо дорогих чернил, в шкатулке нашелся кожаный кошель, в котором обнаружили последние сбережения Макса. Семьдесят шесть талеров и несколько десятков медяков.

Находка меня чрезвычайно обрадовала. Я-то уже, грешным делом, приготовился начинать свою новую жизнь без гроша в кармане.

А еще у Макса было много всяких бумаг и писем, с которыми мне еще предстояло разбираться. Кстати, как оказалось, читать на местном языке я тоже умел. Осталось понять – смогу ли я писать. Вот вернется контроль над всем телом, тогда и проверю.

Когда разбирались с вещами, я вспомнил о дуэли. Лекарь упоминал о шлеме, что спас мне жизнь. Значит, у Макса имелось оружие и доспех. Такие вещи здесь наверняка должны стоить приличных денег.

Увы, но Бертран спустил меня с небес на землю. Оказалось, что здесь действует некий дуэльный кодекс, согласно которому все имущество, что находится на соперниках, в случае проигрыша одного из них, переходит победителю. Видимо, именно поэтому Макс и не взял с собой кошель. Похоже, он все-таки знал, с кем свела его судьба, но все равно полез на рожон. Придурок...

Так что я теперь без оружия и доспеха, что в этом мире

для дворянина недопустимо. Даже для бастарда. И если отсутствие доспеха еще можно как-то пережить, то без меча или, в крайнем случае, кинжала в приличном обществе появляться не стоит. Не поймут.

Этот факт заставил меня крепко задуматься. Нет, бои на мечах и другое холодное оружие не пугали меня. Мамору Ямада, в свое время взявший меня в ученики, когда мне исполнилось семь лет, стал моим проводником в «мир» меча, в котором я, благодаря своим способностям, очень быстро освоился.

Островитянин, за что-то изгнанный из своего клана и колесивший с нашим бродячим цирком по всему континенту, периодически давал представления, где я всегда ассистировал ему. Метания кинжалов, боевой танец с копьём, трюки с парными клинками – каждый номер Мамору был словно последней смертельной прогулкой.

Зрители будто загипнотизированные следили за каждым движением Ямады и бешено рукоплескали после каждого успешно исполненного трюка. Цирк очень много потерял, когда мой учитель исчез. В один прекрасный момент он просто ушел, не сказав ни слова и не простившись даже со мной, чем очень обидел меня.

Позднее Вадома объяснила мне, почему Мамору исчез так внезапно. Враги нашли его даже на континенте. Он не хотел подставлять всех нас. А в особенности – меня. В тот день старая цыганка отдала мне меч, который оставил для меня

Ямада перед уходом. Ну, а опасные номера островитянина на манеже со временем продолжил исполнять уже я.

К слову, в нашем цирке меня не стеснялись эксплуатировать все кому не лень. Воздушные гимнасты, фокусники, дрессировщики, наездники, клоуны – все пытались передать мне «частичку своих знаний», чтобы потом свалить на меня часть своей грязной работы. Но я не роптал. Наоборот, я впитывал новые знания и оттачивал свое мастерство, что в последствии не раз спасало мне жизнь.

В общем, новая встреча с бретером, который, по сути, и прикончил Макса, меня не пугала. Я прекрасно знал, с какой стороны держаться за меч. Меня напрягало другое – мне придется потратиться на покупку нового оружия, что в текущий момент было очень некстати.

По правде сказать, ситуация, конечно, очень странная, и это – мягко говоря. На протяжении всего дня я периодически ловил себя на мысли, что все происходящее со мной абсолютно реально. Что вся эта возня с чужими пожитками, подсчеты долгов и цен на похлебку, это тело, эта комната и Бертран – это теперь моя новая жизнь.

С того момента, как я запустил остановившееся сердце в этом теле, для меня начался новый отсчет. И речь не идет о временной адаптации, как на заданиях в прежней жизни. Нет-нет... Это дряблое и слабое тело теперь мое. Я теперь Макс Ренар. Его проблемы – теперь мои проблемы.

Остаток вечера и ночь для моего организма прошли до-

вольно продуктивно. Бертран, видя, что настойка никак мне не вредит, более того, с каждым приемом новой дозы я выгляжу все лучше и лучше, под давлением моих уговоров все-таки решился выдать мне оставшуюся жидкость, которую я и выпил залпом.

Сперва он, конечно, ворчал и упорно стоял на своем, но после очередной дозы в середине ночи я смог, наконец, пошевелить пальцами правой руки, и Бертран со слезами счастья на глазах сдался.

Должен заметить, этот смелый старик, будучи сервом, не подчиняясь моему приказу, по сути, сознательно шел на преступление. Он поставил мое здоровье выше собственной безопасности. Вследствие чего мое уважение и доверие к нему росло и крепло с каждым часом моего пребывания в этом мире.

Что же касается трюка с пальцами... Мне удалось проверить его, благодаря тому, что я научился направлять алую энергию зелья в определенные участки энергоструктуры. Действовать, так сказать, точно. Таким образом разрывы энергоканалов правой руки начали регенерировать быстрее.

После того, как я проглотил оставшуюся в пузырьке жидкость и направил ее на восстановление энергоканалов рук и раны на голове, на меня навалилась легкая сонливость.

Бертран, все это время внимательно наблюдавший за мной, был слегка встревожен. Пришлось брать себя в руки и успокаивать старика, уже начавшего жалеть о своем по-

ступке. В конце концов, мне удалось его уговорить пойти поспать.

Как только Бертран покинул мою комнату и прикрыл за собой дверь, я облегченно выдохнул и полностью отдался мягким объятиям сна. Уже перед тем, как отключиться я дал самому себе четкую установку – с завтрашнего дня начать собирать всю доступную информацию об энергетических землях. Я теперь знал, как ускорить процесс культивации.

Во сне я видел мою Таис. Правда, я ее сперва не узнал. Копна рыжих кудряшек куда-то подевалась. Теперь это были угольно-черные волосы, собранные в сложную прическу. На ней было строгое длинное платье и дорогие украшения.

Веселые веснушки тоже исчезли. Цвет глаз изменился на светло-карий. Я долго вглядывался в такое родное и в то же самое время незнакомое мне лицо, которое показалось мне холодным и непроницаемым, и не мог дать однозначный ответ на вопрос – моя ли это Таис?

Но вдруг произошло чудо, и она улыбнулась! Не так, как обычно – широко и открыто. Нет... Это была скорее хитрая и даже злая ухмылка, совершенно чуждая моей доброй Таис. Но её выдали ямочки на щеках. Те самые, при виде которых я прощал ей любую шалость в детстве.

Где ты сейчас, сестренка? Надеюсь, в лучшем из миров!

За миг до того, как мой сон рассеялся, я в последний раз всмотрелся в стремительно растворяющееся в воздухе видение. Мой взгляд скользнул по тонкой девичьей шее, которую

оббивало драгоценное ожерелье из крупных кроваво-красных рубинов. Я напрягся. Что-то не так было с этими камнями... В них было что-то смутно знакомое... Но что именно, я так и не успел понять. Я проснулся.

Меня разбудил звук открывающейся двери. Походку и сопение Бертрана я узнал сразу. Открыв глаза, я тут же прищурился. Сквозь маленькое окошко, разбавляя серый сумрак комнаты, проникали утренние солнечные лучи. Где-то там уже всю кипела городская жизнь. Слышались крики извозчиков, топот копыт, перекрикивание прохожих, лай собак и детский смех. Из этой какофонии звуков особенно выделялся один – грустная протяжная мелодия флейты. На мгновение я даже заслушался.

– Господин! – услышал я радостное восклицание Бертрана. – Ваши руки!

Я сперва не понял, о чем он, но потом до меня дошло. Оказалось, что мелодия неизвестного флейтиста меня настолько поглотила, что я не заметил, как заложил обе руки за голову. Все получилось само собой.

Я осмотрел в истинном зрении восстановившиеся за ночь энергоканалы и широко улыбнулся. Правда, они все еще были тоненькими и свечение, исходившее от них, было очень слабым, но начало положено. Теперь, по крайней мере, я смогу держать ложку самостоятельно.

Порадовало состояние раны на голове. Она заметно уменьшилась, и что самое главное – перестала высасывать

из источника дефицитную энергию. Если дело пойдет так и дальше, то срок выздоровления, обозначенный доком, существенно сократится.

– Доброе утро, старина! – улыбаясь, поприветствовал я Бертрана. – Предлагаю отпраздновать эту новость плотным завтраком! Неси мой кошель, выдам тебе на это дело целый талер!

– Господин, – промямлил Бертран. – Тут это...

Я сразу же напрягся и по-звериному втянул носом воздух, чем заставил Бертрана вздрогнуть. Кажется, я снова напугал старика. Но с этим я потом буду разбираться.

А сейчас я был зол на себя, вернее, на слабое и никчемное тело, доставшееся мне по наследству. В прежние времена ко мне в логово без моего ведома никто не мог проникнуть.

Дело в том, что помимо старого слуги за дверью находился еще один человек, которого я не смог сразу учуять. И это меня изрядно взбесило. Пришлось приложить немало усилий, чтобы взять себя в руки и самое главное – не напугать еще больше беднягу Бертрана, который каждую смену моего настроения всегда брал на свой счет. Видимо, Макс, скотина, частенько срывал свою злость на старике.

Успокоившись, я улыбнулся и подмигнул Бертрану, мол, все в порядке, докладывай.

Излишне сладкий запах духов, который начал постепенно распространяться по моей комнате, сообщил мне, что за дверью, скорее всего, находилась дама. Причем, судя по рез-

кому сопению, доносившемуся из-за двери, она была чем-то явно недовольна.

Запах духов показался мне смутно знакомым. Похоже, память моего двойника пыталась давать неуклюжие подсказки. Кажется, я уже догадался, кто решил пожелать мне доброго утра.

Глава 5

– Господин, – справившись с волнением, произнес Бертран. – Мадам Ришар желает поговорить с вами. Я сообщил ей, что вы больны, но она настаивала на встрече...

– Все в порядке, Бертран, – ободряюще улыбнулся я ему и продолжил так, чтобы меня услышали за дверью: – Как видишь, я уже намного лучше себя чувствую. Скорее пригласи мадам Ришар войти и предложи ей стул. Было бы верхом неприличия заставлять даму ждать за дверью.

Бертран поклонился и открыл дверь, в которую тут же ворвалась словно ураган хозяйка доходного дома. Это была первая женщина, которую я увидел в этом мире, поэтому я наблюдал за ней с огромным интересом.

Вадома как-то раз сказала мне, что о социуме в той или иной стране нужно судить прежде всего по тому, как выглядят в нем женщины. Во что они одеты, закрыты ли их лица, свободно ли они ходят по улицам, как ведут себя с мужчинами и наоборот, а также многое другое. Старая цыганка утверждала, что именно женщина, как собирательный образ, и является лицом любого общества.

Глядя на обильно напудренное пухлое лицо мадам Ришар, с непомерно разрисованными красной помадой губами, на ее яркий наряд, я понимал, что переродился в стране, где у женщин есть больше свобод, чем в некоторых странах мо-

его родного мира. А если учесть, что мадам Ришар была в разводе и владела доходным домом, значило то, что законодательство Вестонии было довольно гибким. Оно позволяло женщине не зависеть от мужчин и заниматься бизнесом.

Плюхнувшись на предложенный стул, мадам Ришар окинула цепким хозяйским взглядом мою комнату. Заметив беспорядок на письменном столе, она фыркнула, но ничего не сказала. Затем она бесцеремонно оглядела мою жалкую тушку и, наконец, наши взгляды встретились.

Помня о «чудесной» репутации, которую с таким рвением завоевывал себе Макс Ренар, я не удивился, когда увидел в ее серых глазах презрение и раздражение.

Я же в свою очередь смотрел на мадам Ришар открыто и доброжелательно, изобразив свою самую дружелюбную улыбку. Чем, похоже, умудрился смутить ее.

Я вдруг отчетливо осознал, что неправильно определил возраст этой женщины. Видимо, всему виной обилие косметики на ее лице и излишне яркое платье, полнившее ее фигуру. Первоначально я дал ей лет пятьдесят, но теперь, присмотревшись, можно было смело отминусовывать десятков годков.

– Мадам Ришар! – произнес я, улыбаясь. – Безмерно рад вас видеть! Надеюсь, вы простите меня за то, что встречаю вас в таком виде.

Мой спич смутил женщину еще больше. Мой двойник явно не баловал ее такими речами. Но она довольно быстро

взяла себя в руки, и ее взгляд снова стал холодным и презрительным.

– Господин Ренар, – раздраженным голосом произнесла она. – Мне не доставляет ни малейшего удовольствия наблюдать вас в таком виде, но у нас с вами есть одно незаконченное дело. Вы должны мне за три месяца проживания. Кроме того, я хочу, чтобы вы съехали. Это доходный дом, а не бесплатная ночлежка! Я не намерена содержать вас за свой счет.

– Да-да, конечно, – продолжал терпеливо улыбаться я. Несмотря на то, что она откровенно мне грубила. – Сию минуту... Бертран! Подай мне мой кошель.

Пока старик возился со шкатулкой, я все это время чувствовал на себе ошарашенный взгляд мадам Ришар. Она явно была настроена на сражение, а не на мою скорую капитуляцию. Я же в это время продолжал ей мило улыбаться.

– Итак, – произнес я, когда кожаный мешочек оказался в моей ладони. – Сколько я вам должен?

Я-то уже был осведомлен о размере долга домоправительнице, но мне хотелось, чтобы она сама озвучила сумму.

Видимо, опасаясь, что удача вот-вот упорхнет из ее рук, мадам Ришар мгновенно затараторила:

– Согласно договору, что мы с вами подписали, вы обязались мне платить пятнадцать талеров в месяц. Таким образом за три месяца вы должны мне четыре с половиной кроны.

– Отлично! – произнес я и, развязав тесемку на мешочке,

высыпал часть его содержимого себе на колени.

Мадам Ришар, увидев деньги, тут же подобралась. Все-таки почти два годовых жалования обычного писаря. И это за три месяца проживания в этой невзрачной квартирке. Не знаю, каким местом думал Макс, подписывая договор аренды. Судя по его приключениям – он вообще мало думал и редко находился в трезвом состоянии. Успокаивало лишь то, что со слов Бертрана, в других более дешевых доходных домах ситуация была еще хуже.

С такими ценами боюсь даже представить, в каких условиях живут те же писари. Хотя подозреваю, что жалование – это не единственный источник их дохода. Кроме того, как сообщил мне Бертран, в доходном доме мадам Ришар в основном останавливаются купцы да мелкие помещики, что приезжают по делам в Абвиль. А это уже другая категория людей.

Медленно, под пристальным взглядом домоправительницы, я отсчитал сорок пять серебряных монет и хотел было протянуть их ей, но моя рука замерла на полпути.

Радость в глазах мадам Ришар, потянувшейся было к моей руке, постепенно сменилась непониманием.

– Погодите... – картинно нахмурился я. – Прежде чем вернуть вам долг, мне бы хотелось кое-что прояснить. Вы мне поможете?

Мадам Ришар, все еще не понимая, что происходит, молча кивнула, продолжая при этом следить за деньгами в моей

руке.

– Бертран, – произнес я. – Подай-ка мне мою копию договора аренды.

– Вот она, господин, – старик словно заправский фокусник тут же протянул мне свиток грубой бумаги.

Я уже знал, что этот болван Макс, желая произвести впечатление на хозяйку доходного дома предложил написать договор его же чернилами. Теми самыми, что стоили пять крон за пузырек. Как ни странно, но мне сейчас это было на руку. Этот текст, по словам Бертрана, уже нельзя было подделать.

Я развернул свиток, машинально отметив, что пальцы рук все еще «деревянные» и сделал вид, что внимательно перечитываю текст контракта.

– Так-так... Ага! Вот же оно! – наконец, воскликнул я и взглянул на домоправительницу. А затем извиняющимся тоном произнес: – Мадам, простите, что напоминаю вам, вы вероятно забыли, но в договоре сказано, что пятнадцать талеров – это за полный пансион, а также полное обслуживание.

– Все верно! – к мадам Ришар снова вернулось ее раздражение. – Как я могла такое забыть?

– Раз так, тогда сумму моего долга необходимо пересмотреть, – эту фразу я уже произнес без тени улыбки.

Но мадам Ришар была крепким орешком, хоть и перемена интонации в моем голосе заметно смутила ее.

– Как это пересмотреть?! – вспыхнула она.

– Мадам, – спокойно произнес я. – Я был настолько занят своими делами, что только вчера узнал, как на протяжении уже трех месяцев моему слуге пришлось ежедневно покупать у вашей кухарки еду, самостоятельно убирать в номере, оплачивать работу вашей прачки, а, например, вчера ваш дворник, которому я лично всыплю плетей, когда встану на ноги, обнаглел настолько, что содрал с моего слуги за воду и дрова полталера. И это тогда, когда я лежал при смерти!

Домоправительница была похожа на выброшенную на берег рыбу. Даже сквозь толстый слой белил я видел, как ее лицо наливается кровью. Вот-вот лопнет от гнева.

Тем временем я спокойно продолжал говорить, не давая ей вставить ни слова:

– Узнав об этом грубом нарушении нашего с вами договора, я справедливо предположил, что вы, как порядочная домоправительница, даже не подозревали о творящемся беспределе под вашим носом. Представляете, только ваша кухарка за три месяца заработала на мне двадцать пять талеров! А прачка? За ней глаз да глаз нужен! Совсем обнаглела! Подумать только! Целых десять талеров! Да за эти деньги я бы мог нанять целый отряд прачек на полгода! А про горничную я вообще молчу. Эта лентяйка за три месяца даже носа не показала. Пришлось многострадальному Бертрану выполнять ее работу. А он, между прочим, еще моей покойной матушке прислуживал, а до этого был личным слугой моего деду. Вы слышали о моем дедушке? О! Да, кто же не слышал о

Паскале Легране, купце из золотой сотни?! Здесь у вас часто останавливаются разные купцы. Наверняка они упоминали о торговом доме «Легран и сыновья». Так вот представьте, что некогда личный слуга моего деда, говорящий на нескольких языках, обученный письму и счету, выполняет работу простой горничной. Работа человека такой квалификации стоит минимум десять талеров в месяц. Итого, тридцать серебряшек за три месяца. Получается, я потратил шестьдесят пять талеров и пятьдесят оболлов. Таким образом вы мне должны две кроны и пятьдесят медяков.

Мило улыбнувшись, я замолчал и стал наблюдать за переменами на лице моей собеседницы.

Судя по тому, как мгновенно сдулась мадам Ришар, она, вращаясь в купеческих кругах, прекрасно знала, кто такой Паскаль Легран. А вот то, что у нее во флигельке обитает его внук, для нее стало сюрпризом. Она была осведомлена о том, чей я бастард, но для таких людей, как она, дед Макса был намного влиятельней, чем его дядя граф де Грамон.

Она бросила пылливый взгляд на Бертрана, который многозначительно кивал в такт каждому моему слову. По ее глазам я понял, что она поверила.

Глупой мадам Ришар не была. Мгновенно смекнула – к чему я веду. Стоит внуку купца из золотой сотни хотя бы упомянуть об этом происшествии здесь, в Абвиле и не дай боги наговорить что-то своему дедуле – доходный дом мадам Ришар начнут обходить стороной словно там содержат-

ся прокаженные.

Она неожиданно ловко подпрыгнула со стула и изобразила учтивый книксен. Злой мегеры как не бывало. Передо мной стояла добрая тетушка, как из рекламы сливочного масла.

– Господин Ренар! – успешно имитируя удивление и испуг, воскликнула она. – Как я благодарна судьбе, что она послала мне вас! А ведь я уже давно заметила, что у меня в хозяйстве творится что-то неладное. Ох и устрою я этим паразиткам!

Она пригрозила пухлым кулачком, куда-то в сторону входной двери.

– И этого Жака я сама накажу. Уж будьте уверены. Не пристало вам марать руки о всяких простолюдинов. Что же касается денег...

– Что же касается денег, – перебил я ее. – Предлагаю ваш долг записать в счет следующих месяцев моего проживания. Отличная идея, не правда ли? Вот вам девять с половиной талеров – и как раз получится за два месяца.

На лице мадам Ришар ни одна жилка не дрогнула. Она снова ловко поклонилась и ответила, широко улыбаясь:

– Великолепная идея! Только этих денег я не возьму. А еще в качестве извинений за это досадное недоразумение я предлагаю вам переехать в один из лучших номеров, что на втором этаже. Он как раз освободился вчера. Все-таки флигель – это не место для человека вашего положения.

Ага, и за этот номер через месяц ты постараешься содрать с меня по полной. Нет уж.

– В этом нет необходимости, мадам, – отмахнулся я. – Давайте оставим все, как есть.

– Как вам будет угодно, – поклонилась она и уже перед уходом произнесла: – Я слышала, вы хотели плотно позавтракать? Я сейчас лично распоряжусь на кухне, чтобы вам приготовили лучший завтрак в Абвиле!

Сделав книксен, мадам Ришар пулей вылетела из моей комнаты. Спустя мгновение послышался нервный хлопок двери.

– Ну, для начала как-то так, – пробурчал я, пересыпая монеты в кошель. – Репутационные риски – это вам не шутки. Она еще легко отделалась. Да и мы, кстати, тоже. Нам повезло, что она не знает об истинном отношении главы семьи Легранов ко мне.

– Дедова кровь, – услышал я благоговейный шепот Бертрана.

Я поднял голову и взглянул на старика. Сколько восхищения и обожания было в его глазах. А я опасался, что придется юлить и отбредиваться. Прежний-то Макс ни за что бы не справился с ушедшей домоправительницей. Наверняка, он бы ей еще должен остался. Но мозг Бертрана очень быстро нашел объяснение произошедшим изменениям в характере своего обожаемого хозяина. Что было мне только на руку.

Заметив мой пристальный взгляд, старик вздрогнул и опу-

стил голову.

– Простите, господин, – повинулся он.

– За что ты просишь прощения, старина? – удивился я.

Бертран, не поднимая головы, ответил:

– Вы не любите, когда я вам напоминаю о ваших родственниках по материнской линии.

– И зря, – ответил я. – Теперь можешь свободно рассказывать мне о них. Пусть я никому из них не нужен, но мне важно знать о своей семье все.

Бертран поднял голову, и я увидел слезы на его щеках. Похоже, за последние сутки новый Макс Ренар здорово реабилитировался в его глазах.

– Так что ты там сказал о крови? – переспросил я. – Что ты имел в виду?

Старик начал охотно объяснять.

– Когда вы разговаривали с этой мегерой, я как будто вернулся в прошлое. В те времена, когда ваш дед был молодым. Вы были так похожи на него, что на мгновение мне показалось, будто бы вы – это он.

– Понимаю, – усмехнулся я. – Но к счастью ли это, либо на беду, все-таки я – это я, Макс Ренар. Ну, разве что немного изменившийся. Повзрослевший, если угодно. Так что ты особо не удивляйся переменам в моем характере и образе жизни. Хм, может ты действительно прав... И это кровь предков просыпается во мне? Как считаешь, дружище?

Бертран широко улыбался и тыльной стороной ладони вы-

тирал слезы, катившиеся по его щекам.

– Ну вот, ты снова плачешь, – вздохнул я.

– Это от счастья, господин!

Я покачал головой и, мысленно проклиная свою временную беспомощность и ранний визит местной бизнес-леди, попросил:

– Вот что, старина, подай-ка мне ночной горшок. Терплю из последних сил. А потом ступай на кухню и принеси воды для умывания. Заодно проконтролируй там процесс приготовления нашего праздничного завтрака. Ставлю талер на то, что мадам Ришар не сможет удержаться и захочет плюнуть в мою тарелку.

Старик охнул и засуетился вокруг моей кровати.

– А ведь верно! С этой мегеры станется. Ловко вы ее отбрили. Любо-дорого посмотреть.

* * *

После завтрака я отправил Бертрана в контору стряпчего, а сам занялся разбором бумаг моего двойника. Старик сложил все свитки и конверты, что были на столе и в шкатулке, на табурет у изголовья кровати, чтобы мне было удобно их доставать.

Не прошло и часа, как все бумаги были рассортированы на четыре стопки. В первой, самой большой, которую я мысленно окрестил как «всякий мусор» были свитки и клочки

бумажек, исписанных небрежным подчерком, принадлежавшем прежнему Максусу.

Оказалось, что мой двойник пытался писать стихи. Все они были о любви и представляли собой третьесортную лабуду и графоманщину. Но неожиданный привет от Макса в виде чуждого мне эмоционального всплеска подсказал, что все это было написано от чистого сердца. Ту, которой посвящались эти вирши, мой предшественник буквально боготворил.

Некая Вивьен Леруа. Это та самая актриса местного театра, из-за которой он, в конце концов, и погиб. Здесь же мною были обнаружены ее письма Максусу, в которых она страстно восхищается его слогом и в тоже самое время периодически клянчит у него деньги. Причем делает она это настолько топорно, что даже последний болван понял бы, что его разводят, как лоха. На мгновение мне даже стало жалко этого идиота, но я быстро отогнал от себя эти мысли.

Во второй стопке, не менее внушительной, лежали многочисленные долговые расписки. Закончив с расчетами, я устало откинулся на подушку и закрыл глаза. Все намного хуже, чем я думал. Макс умудрился задолжать без малого сто шестьдесят серебряных крон. Считай, больше половины той суммы, что он привез из столицы. На эти деньги можно было небольшой домик приобрести.

И это, не считая процентов и долгов, о которых я еще не знаю. Вопрос с побегом встал передо мной в полный рост.

Пусть уж лучше объявляют в розыск, чем горбатиться всю жизнь на кредиторов. Свалю в другую страну, сменю имя и поминай как звали. Плута попробуй еще найди.

Правда, было одно «но» и довольно весомое. Пусть Макс и являлся бастардом, но он был признан отцом-графом. Следовательно – он являлся частью дворянского сословия, господствующего класса этого мира. Многие отдали бы огромные деньги, чтобы получить те же привилегии, что имел незаконнорождённый графский отпрыск. Для таких людей сто шестьдесят серебряных крон – всего лишь капля в море. Так что вариант с побегом только на крайний случай.

В третьей стопке находились письма. В основном это были любовные послания от Вивьен Леруа, именно их Макс бережно хранил в шкатулке. Еще раз перечитав несколько приторно-слащавых посланий, я аккуратно отложил их в сторону. Они мне еще понадобятся. Эта мадам крутила Максом, как хотела. По сути, львиная доля долга, оставшегося мне в наследство, это сумма, что была потрачена на эту пиявку.

Помимо любовных посланий в стопке было еще несколько писем. В основном это были ответы из секретариатов торгового дома «Легран и сыновья» и графа де Грамона. В каждом из них шла речь практически об одном и том же. Это были сухие отказы в денежном обеспечении. Видимо, Макс, особо не стесняясь, строчил письма в столицу с просьбами к дяде и богатому деду, чтобы те выслали ему денег.

Только одно письмо было написано, так сказать, по-чело-

вечески, не сухим канцелярским языком. Оно было от старшей сестры матери Макса, Изабель Легран, в котором та просила непутевого племянника больше не писать и не требовать денег. В отличие от секретарей, она выражений не выбирала. Максимум прямым текстом заявляли, что для семьи он чужак, и что его не хотят знать и видеть. В общем, на долю в наследстве ему нечего даже рассчитывать.

М-да, ну и семейка у парня.

В последней стопочке были два документа. Удостоверение личности Макса Ренара и бумага, подтверждающая его право владения сервом Бертраном Фурнье, сыном мельника.

Я потер руки. Очень хорошо, как раз то, что мне нужно.

Глава 6

От переключивания бумажек отвлек звук открываемой двери и приглушенные женские голоса. Я втянул носом воздух. Хм... Опять эти отвратительные духи. Вернулась мадам Ришар и привела с собой еще кого-то. Любопытно, что ей снова понадобилось.

Спустя несколько мгновений шаги приблизились к моей двери и послышался учтивый стук.

– Господин Ренар? – услышал я голос домоправительницы. – Вы позволите войти?

– Входите! – произнес я и прикрыл одеялом ворох бумаг. Оставил только на видном месте конверты с гербами графа де Грамона и торгового дома Легранов.

Дверь открылась и на пороге возникла улыбающаяся мадам Ришар. Она мгновенно срисовала небрежно разбросанные конверты у меня на кровати. Судя по ее вспыхнувшему взгляду, гербы были тут же опознаны. Что, собственно, мне и требовалось. Кажется, улыбка домоправительницы стала еще учтивее, и она елеиным голоском произнесла:

– Простите за вторжение, господин Ренар.

– Что вам угодно, мадам? – подсыпал я в голос чуточку раздражения.

– Я привела вам новую горничную, – торопливо ответила она и легонько подтолкнула в проход молодую девушку. – Вы,

должно быть, помните Трикси, неправда ли? Она – лучшая моя работница. Я решила лично представить ее вам. Чтобы в будущем не возникло недоразумений, как это случилось с прежней лентяйкой и обманщицей.

Я перевел взгляд на горничную.

– Кажется, припоминаю, – буркнул я.

Девушка была примерно одного возраста с Максом. Вернее, уже со мной... Невысокая, крепкая. Вероятно, привыкшая с самого детства к тяжелому труду. Одета просто, но опрятно.

Из-под ее белого чепчика выбилось несколько русых локонов. Большие голубые глаза слегка припухли. Похоже, она недавно плакала. Когда наши взгляды встретились, она густо покраснела и опустила голову. Мне показалось или она меня испугалась?

Мадам Ришар, все это время внимательно наблюдавшая за мной, похоже, осталась довольна. Любопытно, что бы все это значило?

– Ваш слуга передал мне, что вы хотели принять ванну, – произнесла она, при этом почему-то многозначительно взглянула на горничную, отчего та еще больше покраснела. – Слуги уже нагрели воду. Прикажете все приготовить?

После слов о ванне и горячей воде моя голова, а за ней и все тело вдруг нестерпимо зачесались. О, да! Это было бы сейчас очень кстати!

С трудом сохраняя спокойное выражение лица, я для вида

задумался, а потом кивнул:

– Пожалуй, я соглашусь прерваться на водные процедуры. Можете начинать приготовления, мадам.

Сделав вид, что снова углубился в изучение бумаг, я краем глаза заметил жесткий и настойчивый взгляд, которым мадам Ришар наградила горничную. Та в свою очередь еще больше сжалась и стала совсем пунцовая.

Незаметно наблюдая за всей этой пантомимой, я уже примерно догадывался, что, собственно, происходит. Осталось еще немного подождать – развязка была уже близко.

В следующие полчаса в мое временное обиталище была доставлена большая деревянная бадья, которую быстро наполнили горячей водой.

Всеми этими приготовлениями занимался Жак, тот самый дворник, который якобы по своей воле продал Бертрану дрова за полталера.

При первом же взгляде на Жака я понял, что имею дело с бывшим военным. Выправка, четкие скупые движения, характерные шрамы на руках – ветеран, прошедший не одну битву. Жилистый, широкоплечий. Взгляд серых глаз цепкий. Черты лица будто вырублены из камня.

Когда он переносил меня на своей спине в ванную, я ощутил от него слабый запах знакомых духов. Хм... Мадам Ришар. Теперь понятно, почему она так рьяно убеждала меня, что самостоятельно накажет своего дворника. Не хотела, чтобы покалечили любовника. Видимо, мои слова по-насто-

ящему напугали ее. Выходит, я действительно был в праве всыпать ему плетей.

Некоторое время я просидел в горячей воде, не открывая глаз и не проронив ни слова. Вот оно – истинное блаженство! Хороший момент, чтобы немного помедитировать. Только вот...

Жак и мадам Ришар уже давно ушли, а вот горничная почему-то осталась. Характерных звуков уборки я тоже не слышал. Значит, она здесь не для того, чтобы прибираться. Трикси превратилась в молчаливую статую, которая замерла в двух шагах от ванны, боясь лишний раз вздохнуть. И это здорово раздражало...

– Ну? – не открывая глаз, спросил я. – Чего замерла?

Я буквально почувствовал, как она вздрогнула всем телом. А спустя мгновение, я услышал несмелый шорох одежды и прерывистое девичье дыхание. Да что ж такое...

Я открыл глаза и тут же нахмурился. Трикси стояла в шаге от бортика ванны и медленно, дрожащими пальцами расстегивала пуговицы своего платья на груди. В ее голубых глазах застыли слезы. Румянец сменила бледность. Нервно кусая губы, она обреченно смотрела на меня словно кролик на удава.

– Стоп! – поднял я ладонь, и Трикси тут же повиновалась. – Почему ты до сих пор здесь и что, собственно, ты делаешь?

Мой вопрос поставил ее в тупик. Она слегка нахмурилась

и удивленно уставилась на меня.

Я вздохнул и, проведя мокрой ладонью по своему лицу, спросил:

– Трикси? Верно?

– Да, – пискнула она.

– А полное имя?

– Чье? – удивилась она.

Я снова вздохнул и терпеливо произнес:

– Твое, конечно. Моё-то имя мне известно.

– Беатрис... – ответила она, и на ее щеках появился легкий румянец.

Я кивнул.

– Хорошо, Беатрис. Повторяю свой вопрос. Почему ты здесь и что ты только что делала?

Я кивнул на расстегнутые пуговицы.

Она вздрогнула и, прижав обе ладошки к груди, начала, заикаясь, объяснять:

– Это мадам приказала... Сказала, что вас нужно задобрить, чтобы вы остались довольны, господин. Все тут знают, что вы мне давно прохода не даете. Но я не могу... Я же вам говорила! У меня жених... Но она...

– Стоп! – я снова поднял ладонь вверх.

Все понятно. Я прикрыл на мгновение глаза. Не знаю, как бы мне такое удалось повернуть, но, если бы Макс был жив, я бы сам его прибил. Вот ведь мелкий ублюдок.

Я снова открыл глаза и спокойно спросил:

– Мой слуга или господин Робер говорили что-нибудь о моей ране?

– Нет, – замотала она головой и привстала на цыпочки, чтобы посмотреть на мою повязку.

– Ясно, – задумчиво буркнул я, подбирая слова для объяснений. Но они мне не понадобились.

– А вот мадам Ришар сказала, что вы не все помните из вашего прошлого. Это правда?

Я помял подбородок. Кто проговорился? Док или Бертран? А может и тот, и другой? Ну да ладно. С этим потом разберусь.

– Правда, милая Беатрис, – грустно вздохнул я, отчего немного успокоившаяся девушка снова напряглась.

Видимо, я опять повторил одну из интонаций Макса. Мада... Непросто мне придется. Чую, хлебну с этим наследием...

– Скажу больше, – продолжил я, специально перейдя на шепот. При этом с опаской поглядывая в сторону входной двери. – Ты можешь мне не верить, но после дуэли я как будто стал новым человеком. Понимаешь? А память... Хм... Чтобы ты понимала... Например, сегодня тебя я вообще в первый раз увидел.

– Как это? – широко раскрыв глаза и подавшись вперед, спросила Трикси. Тоже перейдя на шепот.

– А вот так, – пожал плечами я. – Остались лишь важные и дорогие моему сердцу воспоминания. Об отце, о любимом

дедушке.

Последнюю фразу я произносил, внимательно наблюдая за мимикой девчонки.

– Да, – охотно закивала Трикси. – Хозяйка говорила мне, что вы внук самого Паскаля Леграна! Потому и приказала мне задобрить вас. А вы точно меня не помните?

– Точно, – кивнул я. – Слушай, у нас ведь ничего не было, верно? Я же не...

Трикси замотала головой и снова раскраснелась.

– Нет, господин! Ничего... Правда, вы несколько раз пытались распускать руки, но куда вам против меня. Я сильная. В детстве отцу в кузне помогала, пока его мор не унес. Вам с вашими силенками со мной не сладить.

Она усмехнулась и вытерла нос рукавом.

– Вот и отлично, – буркнул я. – Прямо от сердца отлегло.

Не хватало мне еще и такого пятна на и так уже подмоченной репутации.

Мое поведение ее явно озадачило. Похоже, таким она Макса еще не видела. Во взгляде мелькнула тень недоверия. А также понимания, где она, собственно, находится и с какой целью.

Я читал ее словно открытую книгу. Простота и открытость этой девчонки мне импонировали. Жаль, мадам Ришар ломает ей жизнь. Обязательно ломает. Трикси еще не знает об этом, но руку даю на отсечение, что домоправительница начнет подкладывать ее под каждого важного клиента. Я на

таких бизнес-леди за свою прошлую жизнь насмотрелся вдоволь.

Тем временем Трикси, застыв в нерешительности, продолжала молча смотреть на меня.

– Уходи, – кивнул я на дверь.

– Не могу, – покачала головой она. – Хозяйка узнает, и тогда...

– Смени работу, – сказал я. – Ты ведь понимаешь, что это только начало. Она и дальше будет тебя так использовать.

По бледным щекам Трикси покатались слезы.

– Не могу, – повторила она.

– Ты из сервов? Кабальная?

– Нет, – замотала головой она. – Просто в нынешние времена очень сложно найти работу. А у меня мамка болеет. Сестренки и братья малые вечно голодные. А у мадам Ришар еще терпимо.

– И сколько она тебе платит? – спросил я.

– Талер в месяц.

Я покачал головой. М-да, это еще меньше, чем зарабатывают младшие писари. И как она на талер умудряется кормить всю семью?

– Но это еще не все, – торопливо произнесла она. – Бывает, что кто-нибудь из постояльцев расщедрится и даст денежку за хорошо выполненную работу или поручение. Письмецо или записочку снести по адресу, одежду почистить или обувь, еду в номер доставить. Не все господа прибывают с

личными слугами, как вы. На всё рук и времени не хватит. А я всегда готова. Вон и братьев меньших к этому приставила. А мадам Ришар закрывает на это глаза.

– Понятно, – задумчиво произнес я. – Семейный подряд, значит.

– Что? – переспросила Трикси.

– Не важно, – отмахнулся я и спросил: – Работу ты бросать не хочешь, хотя знаешь, что тебя ждет, как же тогда твой жених? Что он скажет, когда все узнает?

Трикси покачала головой.

– Патрик никогда ни о чем не узнает.

– Узнает, – сказал я. – Обязательно узнает.

– Даже если и так, – пожалала плечами она. – К тому времени мы уже будем вместе. Мы уедем жить в другое место. У нас будет свое хозяйство, дети. Он хороший. Он меня простит и поймет.

Нет, Трикси, будь он хоть самым лучшим парнем в этом мире – все равно не простит и не поймет. И обиду затаит на всю жизнь. Но вслух я этого не сказал.

– Ладно, – вздохнул я. – Ни ты, ни я не хотим делать то, на чем активно настаивает мадам Ришар. Уйти прямо сейчас ты тоже не можешь. Твои предложения?

– Я могу помочь вам помыть голову, – тут же предложила Трикси. – Сделаю всё аккуратно, не касаясь раны. Мне уже приходилось ухаживать за ранеными.

– Принимается, – кивнул я.

Лицо Трикси мгновенно просияло.

– Спасибо, господин! – пискнула она и мгновенно забежала по комнате стаскивая к бадье все необходимое.

Уже через несколько минут повязка с моей головы была аккуратно снята, а волосы намылены какой-то темно-зеленой жижей, которая приятно пахла травами.

Наслаждаясь массажем головы, я прикрыл глаза и погрузился в воду по самый подбородок.

– Знаете господин, – услышал я задумчивый голос Трикси. – Я впервые вижу, чтобы раны так быстро затягивались. Глаз у меня наметан. Повидала всякого.

– Этому есть простое объяснение, – не открывая глаз, ответил я. – Господин Робер продал мне лечебную настойку из алого пустыша.

Я почувствовал, как вздрогнули пальцы Трикси.

– Она ведь невероятно дорогая!

– Вот-вот, – буркнул я. – Восемь крон содрал.

Трикси охнула. Но потом уже более спокойно произнесла:

– Зато вы живы.

– Не поспоришь, – сказал я и пожал плечами.

Закончив с моими волосами, Трикси вооружилась мочалкой и, плюхнув на нее небольшой сгусток травяного мыла, принялась натирать мою спину и плечи. Эта, несомненно, приятная опция в уговор не входила, но я сидел и помалкивал, при этом блаженно улыбаясь и ощущая мурашки по всему телу.

– Ты, кажется, упомянула о хозяйстве, которое вы с будущим мужем хотите завести? – продолжил я потихоньку выуживать информацию. – Он у тебя из зажиточной семьи?

– Нет, что вы, – фыркнула Трикси. – Зажиточным такая, как я, не нужна. Бесприданница и приживалка – таких, вон, куда ни плюнь, воз и маленькая тележка. Патрик, он из бедной семьи, как и я.

– Тогда на какие деньги вы собрались заводить хозяйство?

– Мой Патрик записался в теневой патруль вместо старшего сына бондаря. По договору, который они заключили, бондарь обязан будет выплатить моему Патрику целых двадцать крон по его возвращении!

Новая информация заставила меня встрепнуться. Прямо спросить об этом теневом патруле не могу. Трикси упомянула о нем, как о чем-то само собой разумеющемся. Придется ходить вокруг да около.

– А что приключилось с сыном бондаря? – спросил я. – Почему он сам не идет?

Вопросов у меня было намного больше, но приходилось сдерживаться. У меня ведь еще есть Бертран, который сможет прояснить главные моменты.

Трикси хихикнула.

– Ну вы скажете тоже, господин. Что с ним может приключиться? Разве что только папаша с глубокой мошной, который может себе позволить выставить вместо сына какого-нибудь наемника богам душу отдаст. Но бондарь, хоть и ста-

рый уже, умирать пока не собирается, как и позволять это сделать старшему сыну.

– А как же твой жених? – спросил я. – Не боишься за него?

– Боюсь, конечно, – со вздохом ответила она. – Но мой Патрик сильный. Он подковы голыми руками гнет. Тем более, он уже бывал как-то раз в Тени и ничего, вернулся живым и здоровым. Вернется и в этот раз, и все у нас будет хорошо.

Слово «Тень» она выделила с особым придыханием. Складывалось впечатление, что вся эта уверенность в силе жениха – всего лишь способ успокоить саму себя. Плюс все это было разбавлено девичьей наивностью и верой в лучшее.

– И многие, как твой жених, подписали договор?

– Не знаю, – тихо ответила Трикси. – Но Патрик как-то обмолвился, что люди не спешат рисковать своими жизнями за бесценок.

Я бы мог сказать, что каких-то жалких двадцать крон за жизнь ее жениха – это вовсе и не цена. Но промолчал. Для таких людей двести талеров – большие деньги.

У меня была еще уйма вопросов, но задать их я не успел: вернулся Бертран. Окинув внимательным взглядом комнату, бадью, меня, сидящего в ней и покрасневшуюся Трикси с мочалкой в руке, старик многозначительно хмыкнул.

– Что сказал стряпчий? – быстро взял в руки инициативу я.

– Господин Моро сейчас в отъезде, – ответил Бертран. –

Он придёт только через неделю.

Я видел, что старик немного взволнован, о чем тут же и спросил его.

– Дык, это... – начал он. – Весь город на ушах стоит. В местный отдел канцелярии прибыли посланники короля и привезли новые списки. Говорят, что в них много фамилий добавили. На рынке купцы приезжие говорили, что на будущий год в Тень большой поход затеяли. Вот король в этом году и решил усилить теневой патруль, чтобы начать подготовку уже сейчас. Ныне многие уважаемые горожане начнут на голове волосы рвать. Никто не хочет отпускать сыновей в опасный поход. Не сегодня-завтра жди наплыва наемников. А ведь тихий городок был. Теперь всякая шваль набежит в поисках наживы.

Трикси охнула. Мочалка выпала из ее рук. Я, почувствовав ее нетерпение, произнес:

– Спасибо, Беатрис. Ты можешь быть свободна. Бертран, выдай ей десять оболлов из моего кошелька.

Девчонка радостно улыбнулась. Затем изобразила торопливый книксен и после получения денег ее словно ветром сдуло. Бертран, правда, крикнул ей вдогонку, что ждет кого-нибудь через час, чтобы помогли ему убрать здесь все.

Когда старик вернулся из коридора, я его спросил:

– Итак, что там за списки, из-за которых такой переполох? И что это за Тень такая, куда боятся отпускать детей уважаемые горожане?

Глава 7

Мои слишком прямые вопросы Бертрана совершенно не удивили. Я вообще начал замечать, что старик перестал обращать внимание на мои «провалы в памяти». Уже позднее, когда я спросил, в чем же причина такого спокойного отношения к моей «амнезии», он мне честно ответил – ему нравился новый Макс, а то, что хозяин немного подзабыл прошлую жизнь, так это даже к лучшему.

Но это еще не все. Разговорившись, Бертран покаялся в том, что заходил в храм Аделаиды, местной богини равновесия и бросил монетку на чашу Великих Весов. Он попросил у нее не возвращать «плохую» память хозяину, чем заставил меня, в который раз, вспомнить об этом мелком пакостнике Максе. Это ж как надо было довести человека, чтобы он просил о таком?

– Господин, что именно вы помните из того, что вам преподавал Джеральд Ламбер? – уточнил Бертран, перед тем как начать свой рассказ.

Я пожал плечами и, улыбаясь, ответил:

– А кто это?

Бертран сперва непонимающе посмотрел на меня, а потом, потеряв затылок, спросил:

– Неужели вы забыли своего учителя? Господин Ламбер, несомненно, был вздорным человеком, но все-таки он мно-

го лет посвятил вашему воспитанию и обучению всяким наукам.

– Видимо, ты, старина, очень хорошо помолился той богине, – хмыкнул я. – Вот она и услышала тебя.

Бертран покачал головой, как это всегда делают искренне верующие люди, когда слышат какую-нибудь ересь. А через мгновение он грустно улыбнулся.

– И все-таки Джеральд был, несомненно, умнейшим человеком, которого я когда-либо встречал в своей жизни. Представляете, после занятий с вами он всегда мне говорил, что напрасно тратит свое время и что вы в будущем все равно забудете всю его науку.

Я хохотнул. Бертран немного ожил. Уже начал легонько подшучивать надо мной. Хороший знак.

– Знаешь, – тяжело вздохнул я. – Мне бы сейчас пригодились его уроки. Где он сейчас? Наверняка в столице. Делится своими знаниями с очередным отпрыском богатого аристократа.

Старик удрученно покачал головой и отвел глаза.

– Увы, господин... Но Джеральда Ламбера казнили вместе с вашими братьями и отцом. Он тоже участвовал в заговоре против его величества.

– Хм... – потер подбородок я. Шутливое настроение мигом улетучилось. – Вот оно как...

Некоторое время мы молчали, каждый думая о своем. Не знаю, о чем там размышлял Бертран, но меня занимали мыс-

ли об отце Макса. Эта метка сына изменника мне постоянно не давала покоя. Бертран говорил, что королевские дознаватели не тронули Макса, потому что он всего лишь бастард и что никаким боком не был причастен к заговору, но меня это нисколько не успокаивало. Чутье Плути подсказывало мне, что там все не так гладко, как кажется на первый взгляд. Зуб даю, все это дерьмо еще всплывет на поверхность. Как бы потом не замараться.

Первым молчание нарушил Бертран.

– Не знаю, что именно рассказывал вам Джеральд, но раз вы все равно ничего не помните...

– Увы, – пожал плечами я. – Поставь себя на мое место и сразу все поймешь.

Старик задумался на мгновение и потом произнес:

– Тогда правильной будет, если я углублюсь немного в историю...

– Мы никуда не торопимся, – подбодрил я его.

Получив мое одобрение, Бертран начал говорить. И чем больше он говорил, тем задумчивее я становился.

М-да... Та сущность, что забросила меня в этот мир, все-таки решила поразвлечься напоследок.

А я-то, грешным делом, уже начал надеяться, что обошелся малой кровью. Ведь репутацию, хоть и изрядно подмоченную, все-таки можно восстановить – было бы желание. И долги раздать – деньги заработать не проблема. Даже от клейма сына изменника есть возможность избавиться. Это

будет невероятно сложно, но все равно решаемо. Все эти проблемы завязаны на человеческий фактор. Но что делать с явлением, которое не подвластно людской воле? Ведь Бертран выдавал мне сейчас такую информацию, от которой по моей спине бегали мурашки.

Нет, не от страха. А от предвкушения! Меня буквально переполняли эмоции. Хотелось прямо сейчас все бросить и рвануть туда, в гущу событий. Этот «благодетель» из тьмы явно знал меня как облупленного. Даже лучше, чем я сам.

– На самом деле, никто доподлинно не знает, как это произошло, – говорил Бертран. – О точной дате тоже ничего не известно. Хотя принято считать, что Небесная Пелена появилась около трех сотен лет назад.

Старик хмыкнул и покачал головой:

– В народе ее прозвали Крылом Сумеречной Неясыти либо Совьим Крылом.

– Небесная пелена? – переспросил я.

– Да, – кивнул Бертран. – Огромная недвижимая туча, что заволокла половину неба и накрыла своей тенью большую часть западных земель. Считай, несколько графств оказались под ней.

– Отсюда и та самая тень?

– Верно, – сказал старик. – Тень Стрикса.

– Стрикс? – встрепенулся я, услышав знакомое название из моего мира. – Кажется, это птица-вестница из древних легенд, которую всегда посылали темные боги перед тем, как

обрушить свой гнев на землю?

– Господин! – радостно хлопнув в ладоши, воскликнул Бертран. – Ваша память постепенно возвращается!

Я хитро усмехнулся:

– Видимо, ты мало денегат отсыпал жрецам своей богини.

– Господин... – жалобно произнес Бертран и хотел было подняться со стула, но я его остановил.

– Да шучу я! Ты лучше скажи мне, чего эту тень так бо-
ются?

Старик тяжело вздохнул. Видимо, уже тысячу раз пожалел, что признался мне о своем походе в храм.

– Как же не бояться-то, если там, в Тени всякая чертовщина происходит? – ответил Бертран.

М-да, похоже, придется повозиться. Я мысленно пожелал самому себе терпения и начал задавать старику наводящие вопросы.

Когда он начал отвечать, у меня сложилось двоякое впечатление об услышанном. С одной стороны, Бертран мне многое рассказал, но с другой – вся информация, которую он на меня вывалил, была довольно поверхностной. Другими словами, у Бертрана, в силу его низкого положения в местном обществе, не было достаточного допуска к знаниям, которые меня интересовали. Но этот пробел с лихвой компенсировался огромным ворохом слухов и сплетен, правда, в массе своей довольно противоречивых.

Когда Бертран закончил свой рассказ, я даже не заметил,

как вода в бадье остыла. Момент, когда меня чистого и задумчивого обтирали насухо, укладывали в постель и кормили, я благополучно пропустил. Мой мозг был занят анализом новой информации.

В общем, несмотря на довольно противоречивые сведения, кое-что мне все-таки удалось выяснить.

Тень, или аномальная зона, как я называл ее про себя, накрыла довольно приличный кусок территорий на западе континента. Причем получилось так, что под Пеленой оказались земли, принадлежащие сразу нескольким странам. По сути, это странное облако, вот уже триста с лишним лет нерушимо висевшее на одном месте, создало некое нейтральное пространство в сердце самого густонаселенного материка.

Бертран утверждал, что никто не знает, что происходит в эпицентре этой зоны. Люди, жившие в тех местах, из Тени не выходили, равно как и те, кто отправились, чтобы узнать о судьбе своих родичей.

Власти сложа руки тоже не сидели. Старик рассказал легенду, услышанную им от его деда, о великом походе к центру Тени, который возглавил наследный принц короля Вестонии. Многотысячная армия просто перестала существовать. Аномалия словно ненасытное чудовище поглотила ее.

Дальше – больше. Через некоторое время, когда люди постепенно свыклись с новыми реалиями, на землях, граничащих с Тенью, начали происходить странные дела. В тех местах стали появляться новые виды флоры и фауны, а также

новые виды разнообразного сырья. Помимо всего прочего, поселения людей, живших в тех областях, периодически подвергались нападениям всяких монстров. Именно в те времена предки нынешнего короля заложили строительство нескольких крепостей на границе с Тенью.

Первое время там несли службу постоянные гарнизоны, но из-за высокой смертности в боях с разными тварями, а также из-за неосторожного взаимодействия с новой флорой численность личного состава начала быстро таять.

Закономерный итог – служба в приграничных крепостях воспринималась людьми, как наказание. Народ не горел желанием сложить голову на чужбине от клыков какой-нибудь потусторонней твари или от яда внешне безобидного цветка. По всей Вестонии прогремели крестьянские бунты. Ведь главная нагрузка в обеспечении королевских гарнизонов рекрутами легла именно на крестьянские общины.

Должен заметить, тогдашний правитель Вестонии оказался человеком прогрессивных взглядов. Вместо того, чтобы подавить бунты и утопить страну в крови, он пошел на беспрецедентный шаг. Он издал указ о создании так называемого теневого патруля, в который начали призывать не только крестьянских детей, но и отпрысков аристократов. А чтобы предотвратить будущие возмущения уже среди дворян, в первый теневой патруль отправился наследный принц. После такого финта ни один граф или герцог не мог ничего возразить. Хотя, думается мне, что там не обошлось без при-

личных откатов со стороны короны. Дабы утихомирить самых знатных, и чтобы те встали на сторону правителя в этом вопросе.

Справедливости ради необходимо заметить, что традиция призывать дворян канула в лету сразу же после смерти короля, придумавшего ее. Его сын, пойдя на поводу у своих советников, отменил эту повинность для аристократов.

Для зажиточных подданных, в жилах которых не текла благородная кровь, тоже была придумана лазейка. Новым указом была разрешена замена. Стоит ли говорить, что после выхода нового указа цены на услуги наемников выросли в разы.

Должен заметить, что в бочке дегтя была и своя ложка мёда. И довольно увесистая, на мой взгляд. Дело в том, что спустя некоторое время после появления Небесной Пелены и ее Тени, с некоторыми людьми начали происходить любопытные изменения. Они научились взаимодействовать с инородной энергией, что пришла в их мир. Другими словами, начали рождаться одаренные.

Увы, Бертран по вполне объяснимым причинам не смог мне рассказать ничего конкретного о таких людях. Одаренные или маги, именно так их здесь называли, тщательно оберегали секреты и тайны своего мастерства. И это абсолютно логично.

Мне были перечислены лишь общеизвестные факты. Старик с придыханием рассказывал мне о мастерах целителях,

которые могли вылечить своей магией любые болезни и раны. О друидах, которым подчинялась магия природы. Об артефактерах и алхимиках, магическая продукция которых пользовалась бешеным спросом. А также о страйкерах – божьих магах.

Прямо супер-люди, не иначе. Мне еще предстоит узнать, как оно все на самом деле.

Кроме того, я узнал, что важную роль в жизни одаренных играли некие круды, энергетические, или как их здесь еще называли, – магические кристаллы, добыть которые можно было только в той самой Тени Стрикса.

Не забыл я спросить и о пустышах, разноцветная пыль которых содержалась в лечебной настойке и чернилах Макса. Эта информация оказалась общедоступной, поэтому Бертран смог довольно подробно все объяснить.

Собственно, разгадка крылась в самом названии. По сути, пустыш – это тот же кристалл, только растерявший почти всю свою энергию. Старик где-то слышал, что маги, якобы специально, оставляли в кристаллах немного энергии или по-местному – маны, чтобы потом продать их алхимикам и артефакторам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.